

И снова захотелось жить, хотя бы еще раз увидеть рассвет, порадоваться восходящему солнцу.

И я снова пополз. Встретил на своем пути еще одного раненого. Жизнь в нем едва теплилась.

Хотел расспросить кто он, узнать его адрес, но с трудом смог разобрать предсмертные слова:

— Хотя не забыли бы нас те, кто будет после нас жить...

В эту ночь мне пришлось проползти более трех километров. Уже на рассвете встретил еще двух других бойцов. Они разыскивали своего раненого командира взвода.

— Если мы его не найдем, то на обратном пути тебя захватим. А на всякий случай, если сможешь ползти, запомни — тут недалеко наши пулеметчики. Они будут менять свою позицию, и если успеешь — тебя увезут.

И я снова пополз.

Наступил рассвет. Но долгожданного восхода солнца я в то утро так и не увидел: полз до потери сознания...

Пришел в себя уже поздним вечером в полевом госпитале на операционном столе.

Как я попал сюда и кто был моим спасителем — не знаю. И буду всю жизнь сожалеть о том, что не могу отблагодарить спасшего мою жизнь.

М. Калугин, ветеран войны.
г. Шумиха. 1990 г.

ПО ТАНКАМ — ОГОНЬ!

Известна истина — в войну взрослые быстро. Подтверждением тому жизнь Павла Ивановича Звигинцева.

Только Паша отметил свое восемнадцатилетие, как 19 августа 1942 года был призван в армию.

— Будем пулеметчиками, — переговаривались новобранцы, кое-что разузнав.

Так и вышло. После максимально сжатого, жесткого курса вечерние сугубо мирные парни стали командирами пулеметных отделений. Звигинцев попал под Сталинград.

К тому времени завершилось окружение сталинградской группировки врага. На помощь к ней фашисты бросили армию генерала Манштейна. Второй гвардейской армии, в составе которой был Звигинцев, ставилась задача ни в коем случае не допустить соединения гитлеровцев.

Развернулись упорные бои. Потери с обеих сторон огромны. Советская армия переходит в наступление, фашисты отступают, не выполнив своей боевой операции «Дон». Павел Звигинцев участвует в освобождении районного центра Веселая, станиц Калмыцкая, Кутейникова. Уже до города Ростова остается 40 километров, но 29 декабря пулеметчика Звигинцева тяжело ранено.

После долгих шести госпитальных месяцев снова бои, краткие передышки, передислокации, потери друзей. Теперь уже на Западном фронте. И снова пулеметчик Звигинцев проявил себя смелым, находчивым. В июне 1943 года за образцовое выполнение заданий командования он удостоен первой боевой награды — медали «За боевые заслуги».

Бои идут уже на территории Белоруссии. И здесь 28 января 1944 года отважный боец вновь пролил свою кровь в сражении. Случилось это при форсировании реки Прони.

После выздоровления сержант П. И. Звигинцев получает назначение в 355 отдельный истребительный противотанковый дивизион 290 стрелковой дивизии. Готовилась операция по освобождению Белоруссии под кодовым названием «Багратион».

28 июня 1944 года советские войска форсировали Днепр по всей полосе наступления и овладели Могилевом — важным узлом обороны противника на подступах к Минску.

Наступающие войска форсируют реку Нарев, образовав Мангушевский плацдарм. Но немцы не могут смириться с тем, что терпят поражение за поражением. На уничтожение плацдарма брошена дивизия «Мертвая голова».

Вот в наступление пошли немецкие танки. Они приближаются к огневым позициям батареи.

Это уже не первая встреча Звигинцева с бронированными чудовищами, но в этот раз он — уже не заряжающий, а наводчик орудия. В руках его противотанковая пушка. В перекрестии прицела — танк. Команда:

— По танку — огонь!

Пушка ахает. Грасса выстрела прорезает дым сражения и обрывается в танке. Он вспыхивает.

Не успело замолкнуть радостное ура, как справа стал заходить другой танк. Быстро развернули пушку и прямой наводкой в бок поразили другую бронированную машину...

В этом бою противотанковая батарея уничтожила шесть вражеских танков. И два из них на счету наводчика Звигинцева. Ратный подвиг оценен по заслугам — орденом солдатской Славы.

В период войны в действующей армии существовал такой вид поощрения, как денежное вознаграждение: за каждый подбитый вражеский танк выдавалась одна тысяча рублей. Наводчик Звигинцев должен был получить две тысячи рублей. Деньги он передал в фонд обороны.

А далее боевой путь ведет его в Восточную Пруссию. Стрельба по вражеской пехоте, артналеты — таков перечень дел артиллеристов.

Заметно оживились наши бойцы, вступив на территорию врага: приближался конец фашизму, конец войне. Но обреченные гитлеровцы яростно сопротивлялись, переходя в контратаки.

14 января 1945 года идут бои за первый немецкий город Алленштейн, позднее — за Мильзаг. Наши разведчики и передовые части на окраине города захватили кирпичный завод. Вот и артиллерия подошла. Но упрямо обороняются немцы, идут в контратаку, чтобы выбить и уничтожить смельчаков. Орудийный расчет нашей пушки прямой наводкой бьет по гитлеровской пехоте, уничтожает расчет станкового пулемета.

За этот бой П. И. Звигинцев награжден орденом Красной Звезды.

Стрелковая дивизия участвует в боях за город-крепость Кенигсберг, который мог выдержать долговременную осаду. Но велика была мощь и сила наступательного порыва наших бойцов: он пал, а многочисленный гарнизон пленен.

К боевым наградам Павла Ивановича прибавляется еще одна — медаль «За взятие Кенигсберга».

И снова бой. Взят крупный портовый город Штеттин. Армия совершает резкий поворот на юг и ведет бои с группировками врага южнее Берлина. И как признание большого вклада в окончательный разгром фашистов — награждение командира орудия Звигинцева медалью «За взятие Берлина».

Победу он встретил на берегу Эльбы. Здесь наш славный земляк закончил свой боевой путь.

К мирному труду в свой родной колхоз «Искра» вернулся в 1947 году. Не искал фронтовик выгодной и легкой работы. В трудные послевоенные годы трудился заместителем председателя колхоза, заведующим животноводческой фермой, бригадиром полеводческой бригады. Много лет работал учетчиком в тракторной бригаде.

С женой Александрой Петровной Павел Иванович воспитали четырех детей, трое из которых трудятся в колхозе.

М. Алексеев, ветеран войны.
с. Благовещенское. 1985 г.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Гордая негаснущая память...

Добрую традицию храня,

Молодые — девушка и

парень —

Замерли у Вечного огня.

Ветерок на свадебной одежде

Чуть колышет краешек фаты.

На гранит легли светло и

нежно

Первые весенние цветы.

С. Утробин. г. Шумиха.

1975 г.

ДЕВЧОНКИ НА ВОЙНЕ

Как сейчас помню тот весенний теплый день и свою встречу с жительницей села Карачельского Марией Афанасьевной Исаковой.

Подоконники в солнечной ее кухне были установлены ящичками с рассадой помидоров и перца. Нежные растения жадно тянулись к свету. Все правильно — просыпается природа, а живое думает о жизни.

На цветастой клеенке стола лежат передо мной орден Отечественной войны, четыре медали, знак участника Великой Отечественной войны.

К столу приставила табуретку и сейчас присела на нее не шибко словоохотливая сама хозяйка, Мария Афанасьевна. Неторопко, время от времени надолго задумываясь, ведет она рассказ о нелегкой жизни девчонки, добровольно в 1943 году ушедшей на фронт.

Крепкой была их семья, перебравшаяся из Хохлов в Карачельское в 1935 году: отец, мать, два брата и она, Мария. На следующий год умер отец. С пятнадцати лет, в 1939 году, Мария стала работать в колхозе: сортировала зерно, трудилась на прицепе плуга трактора. Словом, куда пошлют.

День 22 июня, помнит, был пасмурным, нехорошим. Он пал на судьбы всех людей тяжелым веховым камнем, разбившим жизни миллионов.

С этого проклятого дня парней, мужчин табунами провожали на фронт. А уже через несколько месяцев стали приходиться похоронки...

И семью Исаковых они не обошли. Старший из братьев Михаил был офицером-пограничником, войну встретил в первые ее минуты. Сложил голову.

Александр — второй брат, тоже ушел воевать, получил ранение, лежал в госпитале под Москвой, оттуда пришло последнее его письмо. А в 1942 в семью принес почтальон похоронку.

В 1943 году, наконец, удовлетворили просьбу Марии — ушла добровольно на фронт. Ей было за кого мстить. И до конца служила в 40-м зенитно-прожекторном полку.

Вначале их, только-только обученных, разместили за городом Куйбышевым, где, вы знаете, в войну находилось правительство.

Тут стояли летные части, прожекторы, зенитки и звукоулавливатели, на которых и работали девчата. Вскоре их перебросили под Сталинград.

Едва эшелон днем прибыл на станцию Крымскую и стал разгружаться, как налетели два фашистских самолета. Один взялся бомбить зенитную батарею, другой — эшелон.

Бросились врассыпную кто куда. Мария помнит взрыв, тяжелый дар в затылок. Она с размаху ударилась лицом о землю и провалилась в беспамятство.

Месяц отвалилась в госпитале с контузией и сотрясением мозга. И сейчас, голова если начинает болеть, от именно той фронтовой от-метины.

Их, людей военных, подчиненных приказу и суровой фронтовой необходимости, вновь перебросили, теперь под город Тамань, что на самом берегу Керченского пролива. Дежурство, борьба с самолетами — круглые сутки. Если днем короткое затишье, то сбрасывали наушники, валились на землю и моментально засыпали.

Кто-то подумает, что на звукоулавливающей установке безопасно, затаилась она где-нибудь и тихую караулит. Совсем наоборот. Проектор стоит метрах в трех-четыре, дальше — зенитные орудия.

Девчата-слухачи, как их называли на фронте, обнаруживают подходящие немецкие самолеты, передают прожектористам координаты. Те включают свою технику, мощными лучами ловят самолеты. Зенитчики бьют на поражение. Но обреченные самолеты, как правило, пытаясь вырваться, пикируют на прожекторы и бьют из пушек и пулеметов. И тогда в сторону прожектористов и, значит, слухачей летит смертоносный металл, вырывая жизни людей...

Пришлось воевать после освобождения Крыма подо Львовом. Там лютовали бандеровцы, которые грабили население, убивали красноармейцев. Потом перебросили на Вислу, около Варшавы охраняли огромный мост. По нему нескончаемым потоком шла техника, люди. На бортах танков, машин слова: «На Берлин!».

В феврале 1945 года девчат демобилизовали. Мария Афанасьевна вернулась в Карачельское, работала свиначкой, на прицепе, за курицами ухаживала, была заведующей животноводческой фермой, учетчицей тракторной бригады... И так до пенсии. Пять созывов подряд избиралась депутатом сельского Совета. Воспитала троих детей. Счастливая бабушка и прабабушка. И не пустеет ее небольшой пятистенничек, часто в нем слышны смех и детские голоса. Жизнь продолжается.

М. Лисюк.
1990 г.

БЕЛЫЙ ХАЛАТ НА ВЫРОСТ

Шел 1934 год, когда Андрей Никитич Гаганов надел белые халаты на двух девчонок-шестиклассниц и разрешил им посмотреть операцию аппендицита. Гаганов был главным врачом больницы, практически один на весь район, один на всех. Он оперировал, а девчонки стояли в больших, не по росту халатах, в масках (все как полагается) и смотрели, не дыша.

Они мечтали о медицине. Врач и заметил-то их потому, что они постоянно вертелись в маленькой, на 30 коек Шумихинской больнице (мать одной из школьниц работала медицинской сестрой). Нравилось все: чистота, белизна халатов, особый медицинский запах.

Та, у которой мать-медсестра, в десятом классе выйдет замуж и оставит замысел стать врачом.

Во второй Гаганов не ошибся. Два последних лета она работает медицинской сестрой в пионерских лагерях, еще не имея специального образования. Это разрешалось: кадров в стране не хватало. После десятого, вернувшись из лагеря, едет поступать в Пермский медицинский институт. С собой берет один чемодан книг. Только после зачисления возвращается домой за вещами.

Ее имя — Ольга Артемьевна Кохан. Правда, Кохан она станет после войны, когда вернется в родную Шумиху, и когда разыщет ее здесь ее будущий муж. И работать она будет здесь: вначале главным врачом санэпидстанции, затем перейдет в больницу — терапевтом, а с 60-го года почти бессменно будет заведовать инфекционным отделением больницы.

А пока — общежитие, маленькая стипендия, в семье кроме нее еще трое детей, приходится ограничивать себя во всем. Упорная учеба. И еще нет войны.

— Когда мы узнали, что началась война, — вспоминает Ольга Артемьевна, — боялись за близких, боялись, что не удастся доучиться.

Доучиться ей удалось. 21 июня 1942 года Ольга Артемьевна закончила институт. В числе прочих (и тыловых) было распределение в Московский военный округ, которое означало — фронт. Она выбрала это распределение. Еще в школе вела с младшими кружок ГСО (готов к санитарной обороне). В институте была комсоргом группы. Поэтому мысли, что можно сделать иной выбор, у нее не возникло.

После двух месяцев специализации в Вологде, в Ленинградском кадровом госпитале попала на Волховский фронт. В полевой эвакуогоспиталь.

После прорыва блокады ее направили на Ленинградский фронт. Бои шли под Синявино. Раненные поступали оттуда.

После снятия блокады она получила свою первую награду — орден Красной Звезды. Затем был третий Прибалтийский фронт, потом второй Белорусский, в составе которого она дошла до Берлина.

Долгое время после войны Ольга Артемьевна не могла вспоминать о пережитом. Радовалась, что никуда не приглашают, не просят рассказывать. Сейчас начала бывать в школах, выступать на линейках. Время стирает остроту воспоминаний.

...Они делали операции, перевязки, а с потолка землянок сыпалась земля от близких разрывов. По неделе не раздевались. Во время передышек приводили себя в порядок. Они оказывали помощь раненым, доставленным из медсанбата. Легкораненых, кто мог вернуться в строй быстро, долечивали, остальных отправляли в тыл.

Эвакогоспиталь — это еще не передовая. Но осколки свистели и здесь. Как памятны ей эти осколки. Чистое поле, где ни ямы, ни куста, где только и можно, что спрятать от них голову за кочку. И тот ров, на край которого упал снаряд. Ее только контузило тогда, а была на волосок от смерти. Ей говорили: зачем много рискуешь? Отвечала: убьет, так везде убьет. Была ли она бесстрашной? Она — медик. И этим сказано все.

Видела смерть товарищей. К концу войны от их бригады в шесть человек в живых осталось двое: она и еще один врач.

Во время наступления на Берлин Ольга Артемьевна была на передовой, в медсанбате. Примерно через час после артподготовки начинали поступать раненые. То были страшные дни, о которых без слез вспоминать она не может.

— Было все перемешано, земля, осколки. Все горело.

За медицинскую помощь раненым во время наступления на Берлин ей вручили медаль «За отвагу» и медаль «За боевые заслуги». Войну она закончила в звании капитана медицинской службы.

Вот уже десять лет, как Ольга Артемьевна должна быть на пенсии.

— Пока хватит здоровья, буду работать.

Нет, не может она уйти. Ей так привычно все: успокаивать родителей, спешащих забрать ребенка. Ночью перебирать в памяти всех своих больных. Думать, не забыла ли что назначить? Как там они? Думать, о тех, кто в тяжелом состоянии. До тех пор, пока из этого состояния не выведешь. Задерживаться на работе до пяти, имея право уйти в час. В отделении к ней обращаются постоянно:

— Ольга Артемьевна, как быть?

Когда год не работала, сидела с внуком, звонили домой: что делать с тем или иным больным?

Больше всего ей нравится вспоминать День Победы и первые мирные дни. Берлин. Городок Арсвальд. Немецкие дети стояли на углах и просили еды. Наши солдаты доставали из рюкзаков хлеб, консервы. Всем интересно было посмотреть на рейхстаг. Пошла и она. Стена уже вся исписана русскими именами. Нужно было искать свободное место повыше. Она отыскала его, подняла с земли кусок обугленного дерева и вывела на стене свою фамилию.

Е. Усалко.
1984 г.

1945 год. У снег поверженного рейхстага. Из архива полковника М. Д. Воробьева (на снимке он отмечен крестиком).

ФРОНТОВЫЕ ПОДРУГИ

В энциклопедии «Великая Отечественная война 1941-1945» сказано: «Седьмая армия сформирована во второй половине 1940 года в Ленинградском военном округе. В середине октября 1941 — июня 1944 обороняла рубеж по реке Свирь между Онежским и Ладожским озерами». Из пяти командармов были генерал армии К. А. Мерещков (сентябрь-ноябрь 1941 г.), впоследствии Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, один из 17 человек, удостоенных ордена «Победа».

Вот в этой армии нюхали порох и девчата с берегов озера Копанец, что находится в центре нашего города.

Любуясь красотами Урала через распахнутые, перегороженные перекладной двери товарного вагона, новобранки приближались к другой части света. И вот она — пирамидка из гранита «Европа-Азия». Многие находившиеся в вагоне впервые переехали Уральские горы.

Лида с тоской вспоминала свой дом, мать с отцом, младших сестер Зину и Аню, свое озерко, на восточном берегу которого жили ее подруги Оля с Валей. Они тоже были в этом качающемся вагоне и тоже о чем-то задумались. О чем? О доме, конечно. Вспоминали, что берега озера после ухода воды густо зарастали цветущей конотопкой. Осенью соседи воздвигали по берегам озера стога сена, где вместе с мальчишками с удовольствием кувыркались с пахнущих разнотравьем копен и девчонки.

А родная Кировка! Вечерами весь поселок выходил на гуляния...

Девичий эшелон! Постукивая на стыках колесами, шел к фронту.

В августе 1942 года прибыли в 29-й отдельный полк связи на Карельский фронт. И начались военные будни сержанта Ольги Кашутиной, младшего сержанта Лидии Золотаревой, ефрейтора Валентины Шаровой.

Непривычная военная форма — на 2-3 размера больше, да и обувь тоже — неузнаваемо изменили внешность девушек.

Полк следовал сразу же за передовыми частями, приходилось не спать по трое суток, принимать совершенно секретную корреспонденцию, зная всю дислокацию частей.

Ленинград в блокаде. 29-й отдельный полк ежедневно от каждого солдата отправлял по «дороге жизни» голодающим ленинградцам по 400 граммов хлеба, отрывая от своего довольствия.

Ольга служила в интендантстве, Валентина работала в санитарной части.

Прошагали наши девчата по дорогам Финляндии, Польши, Венгрии, Чехословакии, Австрии, Румынии.

(Кохан) и многие другие женщины-фронтовички были такими же молодыми, красивыми. Пусть скромно были одеты, но всегда жизнерадостны, веселы. Всех перечисленных я знал до войны. Они были очень красивы в свои 18 лет.

146 женщин из Шумихи сражались на фронтах Великой Отечественной. Были они снайперами и поварами, летчиками и моряками, медиками и интендантами и всегда — любящими, верными матери-Родине.

Н. Бабилов.

г. Шумиха. 1990 г.

Бронебойщик, рядовой пехоты Артем Семенович Малаховский, прошедший войну, тринадцать раз израненный.

БЕРЛИН-ПРАГА

Иногда я всматриваюсь в старые армейские фотографии и вспоминаю своих фронтовых друзей, с которыми шла к Победе два года. Наш 355 тяжелый самоходный гаубичный полк 7 корпуса 3 танковой армии перебрасывался с направления на направление Центрального, Воронежского, 1 Украинского фронтов. При прорывах мне приходилось видеть разрушенные укрепления из бетона и металла, видеть горящие танки, разбитые орудия. Это наша работа!

Я часто смотрю на карту Европы и читаю знакомые названия городов Польши, Австрии, Чехословакии, Германии, Венгрии. Обходы, охваты, неожиданные удары, прорывы в тылы и выходы во фланги фронтов — это были действия нашего танкового корпуса.

Берлин запомнился особо. Атаки, атаки. Бои на подступах, потом на улицах города. Из окон домов и подвалов все живое беспощадно расстреливалось потерявшими рассудок эсэсовцами и тотальниками-фаустпатронщиками. Даже из окон с белыми флагами вдруг раздавались пулеметные, автоматные очереди. И в последние дни войны падали на берлинские мостовые наши атакующие солдаты.

Грохотали орудия самоходок, уничтожая огневые точки врага. Взрывы раскалывали, крошили камень домов и укреплений. Кругом шла пальба. Грохот. Пожары. Улицы завалены кирпичом, разбитой техникой.

А 5 мая восставшие чешские патриоты обратились к нашему правительству: «Помогите, мы истекаем кровью!».

Был дорог каждый час. 6 мая наши танковые соединения вышли в поход и без передышки мчали по шоссе Берлин-Прага. Этот марш ударных частей 1 Украинского фронта поразил весь мир.

Среди зелени мая разворачивались сражения, горели танки, и опять погибали наши русские парни, прошедшие всю войну. Дрались в лесах и полях, городах. Удар советских танкистов был сокрушительным.

В 4 часа 5 мая сорок пятого года наши танки ворвались на улицы Праги. Как нас встречали! Чехи бросались к танкам, засыпали цветами, жали руки, целовали солдат в их закопченные, чумазные лица. Сколько было восторга! Пахло черемухой и сиренью. Танки походили на цветущие клумбы. Казалось, весь мир пел «Катюшу».

10 мая огромная траурная процессия провожала в последний путь павших в бою за Прагу. Тысячи граждан шли рядом с солдатами.

— Мы никогда не забудем вашего подвига! — клялись чешские патриоты у могил павших.

Вернувшись с войны, я встала за учительский стол, чтобы учить детей грамоте и добру, рассказывая им о войне. Чтобы они знали о том времени и умели беречь и защищать завоеванное отцами и дедами.

Н. Орлова, ветеран войны и педагогического труда.

г. Шумиха. 1987 г.

БОЕВОЙ ПОХОД

Служил я в то время на Дальнем Востоке в береговой обороне 182-миллиметровых пушек. По должности радист. В субботу закончились двухнедельные флотские учения с боевыми стрельбами.

Ребята готовились провести выходной день в увольнении. Предвкушал и я заслуженный отдых. Но командир радиорубки Рогаткин сообщил, что в воскресенье с утра мне заступать на вахту по радиостанции.

И вот я на вахте. Надеваю наушники и слегка покручиваю верньер приемника. После хаоса звуков в уши вдруг ворвался голос диктора. Он передавал сообщение о том, что фашистская Германия внезапно, без объявления войны напала на нашу страну.

Дослушав сообщение, я бросился в кубрик командира капитана Климова. Так спешил, что даже не спросил разрешения войти, не до этого было.

С недоверием выслушал капитан мой сбивчивый взволнованный доклад. Но тут зазвонил телефон на его столе. Коротко переговорив, капитан нажал кнопку ревуна боевой тревоги.

Так начался для нас воскресный день 22 июня 1941 года.

Месяц за месяцем шло время. Враг продолжал наступать и рвался к сердцу нашей Родины — Москве. Там шли кровопролитнейшие бои, там решалась судьба страны. А здесь, на Дальнем Востоке, было тихо. Изредка японские корабли заходили в нейтральные воды и курсировали в непосредственной близости от нашей границы. Но едва в небе появлялись наши гидросамолеты, как японцы удирали обратно. И так повторялось изо дня в день.

Слушая каждый день тревожные сводки с фронта, мы, моряки, просились в действующую армию, где можно было бы бить непрощенного гостя. Нашу просьбу командование удовлетворило. Была организована 63 бригада морской пехоты под командованием полковника Крылова, которого мы звали «морским волком». Нас перебросили под Москву.

Стояли мы в резерве в самой Москве. Удивило то, что за это время над столицей не появился ни один вражеский самолет. Видимо, оборона московского неба было организована на самом высоком уровне. Сыграло свою роль то, что немцев стали громить, а потом и отбросили от Москвы.

А нас перебросили в Заполярье, на полуостров Рыбачий.

Заполярье встретило сурово. Несмотря на май 1942 года всюду еще лежал почти двухметровый слой снега. Кругом сопки и горы, с которых течет вешняя вода.

Нам показалось странным то, что Баренцево море не замерзает, а на суше снегу хватает на целый год. Казалось, он никогда не растает.

Но весна брала свое. Сошел снег, и все вокруг зазеленело. И опять другая проблема. Солнце светит круглые сутки, не знаешь, когда день, а когда ночь.

К концу мая нас доставили на полуостров Средний. Здесь проходил передний край нашей за полярной обороны. Нам пришлось менять 62-ю морскую бригаду.

Вот теперь мы вплотную сошлись с немецкими захватчиками. Вскоре наши разведчики захватили «языка», и мы узнали, что против нас стоят отборные егерские фашистские войска.

Вскоре мы атаковали гитлеровцев и захватили сопку «Яйцо».

Это здорово не понравилось немцам, так как сопка в их обороне занимала важное место. Завязались упорные бои. Сопка несколько раз переходила из рук в руки.

Поняв, наконец, что с суши нас одолеть невозможно, фашисты задумали высадить с моря десант. Но наши подводные лодки не позволили этого. Не давала немцам покоя и наша дальнобойная артиллерия. Она прямой наводкой расстреливала немецкие суда.

Немцы изменили тактику. Теперь их самолеты стали бомбить транспорты, которые подвозили нам боеприпасы и продовольствие. Но и тут мы выходили из трудного положения. Главное для нас было, чтобы обеспечили боеприпасами. А питанием старались запастись своим: заготавливали грибы и ягоды, в Баренцевом море ловили треску и камбалу.

И мы сначала продержались, а потом и погнали немцев с нашей территории. Как известно, наша 63-я бригада морской пехоты участвовала в освобождении советского Заполярья, освободила норвежский город Киркенес.

После этих боев нашу 63-ю Киркенесскую Краснознаменную бригаду морской пехоты перебросили к Кенигсбергу. Здесь и закончился наш боевой поход, начатый с далекого Дальнего Востока.

**Г. Леготин, ветеран Великой Отечественной войны.
с. Галкино. 1986 г.**

К ПАМЯТИ ОБРАЩАЯСЬ

Иван Иванович Евдокимов срочную службу в Красной Армии проходил в тридцатые годы. Во время Великой Отечественной войны он самоотверженно сражался за честь и независимость нашей Родины. Насмерть стоял в битве под Москвой, сражался за Сталинград, участвовал в боях на Орловско-Курской дуге. Ратный подвиг И. И. Евдокимова отмечен орденом боевого Красного Знамени, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Сталинграда», «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Демобилизовавшись после тяжелого ранения в 1943 году, Иван Иванович плодотворно трудился на мирном поприще. Имеет трудовую награду — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.»

В моем военном билете был вклеен красный листок-предписание: «В случае войны вы обязаны не позднее чем на третий день явиться в военкомат». И вот — война.

В военкомате в эти июньские дни не пробиться: даже во дворе и на улице стояли люди. Все стремились попасть к военкому. Наконец он вышел и объявил:

— Кто был нужен — мы вызвали. Остальным лучше идти на рабочие места и ждать повестки.

27 июля пришла повестка и на мое имя. Набрали команду из 37 человек со средним образованием, с техническим, высококвалифицированных трактористов и отправили учиться: стали готовить механиков-водителей, стрелков-радивистов и башенных стрелков.

Учились упорно, времени не считали. Изучали не только свою специальность. Перед танковыми экипажами стояла задача, чтобы в бою каждый мог заменить товарища.

В первых числах ноября получили мы новенькие тяжелые танки «КВ». Укладывали боекомплекты, заправляли машины горючим, грузили их на платформы, укрывали брезентом.

Вскоре наш эшелон в числе других уже мчался на фронт, на защиту Москвы. Двигались с такой скоростью, что встречным ветром надувало, а, порой, и срывало брезент с машин.

Несколько наших эшелонов зашли в Москву. Там они разгрузились. 7 ноября танкисты на своих машинах участвовали в параде на Красной площади, а потом сразу ушли на фронт.

Наш эшелон, минуя Москву, двигался в калининском направлении. Прибыли и разгрузились в сосновом бору. Отогнали в лес и замаскировали танки.

Вскоре двинулись на позиции. Фронтовики нас ждали. Танков на фронте не хватало, их появление было встречено с большой радостью.

Из прибывших танковых экипажей формировались полки, батальоны. Я попал в 182-й особый танковый батальон капитана Юрьева, в 1-ю ударную армию генерал-лейтенанта Кузнецова.

Сразу же мы получили приказ, который устанавливал строгие нормы расхода боеприпасов. Для поддержки обороны мы часто перемещались с места на место. Это вызывалось нехваткой танков.

Неприветливо встретила нас погода в ту зиму под Москвой. Стояли сильные морозы, которые нередко достигали сорока градусов. В картерах двигателей застывало масло, было целой проблемой наутро завести танк.

Оказывается, и на фронте находились свои рационализаторы. Кто-то, видимо, из сибиряков, предложил под танками жечь таежные костры. Горели они неярко, да и дыма особенного не было. Такие костры равномерно обогревали днище танка. Это намного упростило задачу запуска моторов. Теперь боевые машины были в постоянной готовности.

Нам, хозяевам танков, редко приходилось спать в доме или землянке. Чаще довольствовались ложем из веток.

Первый бой, наверное, запоминается на всю жизнь. И мне этот бой врезался в память.

Было это во второй половине ноября 1941 года. Роту срочно вывели на участок, где немцы потеснили наши войска.

Мы с ходу пошли в наступление. Видно, танки здесь были редкими гостями, и для немцев наше появление стало полной неожиданностью. Они открыли огонь по нашим машинам из всех видов оружия.

В правый борт нашего танка хлестнула очередь, видимо, из крупнокалиберного пулемета. Фашист целился чуть выше гусеницы, чтобы зажечь бак с горючим, но пули ударили в борт машины на уровне моей головы. Я инстинктивно на какое-то мгновение прикрыл голову рукой, как бы защищая себя от удара, потом одумался.

Наш танк делал короткие остановки — и следовал орудийный выстрел.

Вот и первая немецкая траншея. Я видел, как немцы выскакивали из нее и перебегали в другую. Вот и расстрояние до них позволяет стрелять, а я все смотрю и смотрю.

По танковому переговорному устройству слышу голос своего командира, лейтенанта Фролова:

— Почему не ведешь огонь?

А я думал об одном: «Надо стрелять наверняка. Удачно отстреляю в первом бою — так будет всегда».

И мой ДТ заработал. В оптический прицел видно, как убегающие фашисты как будто ныряли головой в снег и оставались недвижимыми.

Я стрелял и приговаривал:

— Кто вас сюда звал? Что вам тут надо? Русские не терпят непрощенных гостей.

Каждые сутки мы мерзли, редко когда могли погреть руки да переобуться. А тут, когда отходили на исходные позиции, я чувствовал, что весь в поту, у меня мокрые волосы. И по спине катились капельки пота. Большим напряжением сил и нервов дается каждый бой, а первый — в особенности.

Через месяц нашего пребывания под Москвой началось большое наступление.

Бои шли упорные. Фашисты яростно сопротивлялись. Наши подразделения продвигались в направлении города Калинина. Полмесяца мы не могли выбить гитлеровцев с насиженных мест, из добротных укреплений. Они зарылись глубоко в землю, а сильные морозы сковали грунт до гранитной твердости.

К нам подходили подкрепления, больше было сибиряков: красноярцев, новосибирцев. И враг не выдержал натиска.

16 декабря 1941 года мы освободили город Калинин. Город был полностью разрушен, глазам предстали сплошные руины. Разбито, взорвано все, что только можно разрушить.

Наступление продолжалось, несмотря на бешеное сопротивление фашистов. В одном из боев на подступах к городу Старице Калининской области наш танк был подбит: разбита левая ведущая звездочка, порвана гусеница. Машина находилась на поле боя, где по нам вели прицельный огонь. Защищаться мы не могли: весь боекомплект израсходован.

По рации командир роты приказал под прикрытием огня других танков покинуть машину и укрыться в безопасном месте.

Едва мы отползли от танка метров на 40-50, как рядом разорвалась мина. Башеный стрелок Коновалов из Копейска был убит, мне осколок впился в бок. Боевые друзья вынесли меня из-под обстрела, перевязали, доставили в санбат.

Долгих четыре с лишним месяца пролежал я в госпитале, прежде чем смог встать в строй. И сразу пришлось переучиваться. На этот раз

и до конца моих боевых будней я стал стрелком-радистом знаменитой «тридцатьчетверки».

К ноябрю 1942 года мы получили новехонькие танки и вышли в район Сталинграда. Здесь шла грандиозная битва. Экипаж нашей «тридцатьчетверки» в составе танковой роты с 1 по 19 ноября находился в боевом охранении переправы через Волгу.

Для защиты переправы была организована мощная оборона. Наготове стояли зенитки, пушки, танки, «катюши». В землю зарыты танки, пушки которых направлены в сторону возможного появления противника. На берегу отрыты огромные, длиной до 50 метров, землянки для обогрева солдат.

Переправа использовалась интенсивно: готовился мощный удар по фашистским армиям, осадившим город на Волге, и с левого берега на правый шли и шли наши войска. Только позднее я узнал, что в то время через Волгу переправилось 160 тысяч солдат, 10 тысяч лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14 тысяч автомобилей и около 7 тысяч тонн боеприпасов. А в те дни воздух был напоен дымом пожарищ, днем и ночью грохотали взрывы, не стихала пулеметно-ружейная стрельба. То и дело в небе над переправой вскипали жаркие воздушные бои.

Вскоре нас сняли с обороны переправы. Мы вступили в сражение за Сталинград. И пошла каждодневная карусель ожесточенных боев. Немцы из излучины Дона наступали. Мы отбивались, сами переходили в наступление. Хорошо проявил себя в сражениях наш 8-й механизированный корпус. Позднее ему было присвоено звание «гвардейский Сталинградский ордена Суворова второй степени механизированный корпус». Командовал генерал со звучной фамилией Орел. И он был под стать фамилии: бесстрашный, умный полководец.

Наши силы прибывали с каждым днем: сосредотачивались войска для окружения фашистских орд под Сталинградом. Все туже и туже замыкалось кольцо вокруг группировки фельдмаршала Паулюса. Уже для осажденных фашисты стали сбрасывать боеприпасы и продовольствие на парашютах. Часть этих грузов попадала к нам.

У гитлеровцев начался голод. От пленных румын мы узнали, как немцы обходятся со своими союзниками. Когда стало плохо с продовольствием, фашисты забрали всех коней у румынского кавалерийского корпуса, не оставив союзникам ни одного. Коней пустили себе на пропитание, обрекая румын на голод. Так подлая сущность фашистских «сверхчеловеков» проявлялась каждодневно, ежечасно.

А сражение за Сталинград шло с непрестанной силой. В январе советские войска завершили, наконец, окружение армии Паулюса.

Накануне соединения 62-й армии генерала Чуйкова и 21-й генерала Чистякова шли особенно кровопролитные бои. Чуть не стал для меня последним бой на Мамаевом кургане.

О жестокости нескончаемых боев я уже говорил. Еле успев пополнить боезапас и заправиться, мы снова вступали в бой. После окончания битвы за Сталинград в броне нашей «тридцатьчетверки» насчитали 102 вмятины от снарядов.

Один снаряд ударил в башню танка. Броню не пробил, но бед наделал: от страшного удара окалина от брони мельчайшими осколками брызнула мне в лицо, в глаза... Думал, ослепну. Та же мысль была у товарищей, вытащивших меня окровавленного из машины.

Но все обошлось. Уже через несколько недель товарищи из экипажа радостно встречали меня. Только черные оспины в коже лица да в белках глаз остались с тех пор на всю жизнь.

Операция по разгрому немцев под Сталинградом победоносно завершилась. Войска, в ней участвовавшие, попали на переформировку. Свой многострадальный, весь израненный танк мы оставили: на нем уже нельзя было воевать.

Медаль «За оборону Сталинграда» вручали нам уже в Воронежской области, где находились на переформировке.

Рассказывая о буднях фронтовых дней, нельзя не упомянуть тех, кто шел впереди — коммунистах.

Путь к победе был нелегким. Он шел через битвы под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге, через сражение за Кавказ, крупнейшие наступательные операции 1944-1945 годов. Вдохнителем наших побед на этом пути была партия. Спроси сегодня любого фронтовика — кто был организатором атак. Уверен, ответ один — коммунисты.

Комиссар, политрук, парторг. Эти люди были как бы из другого материала: их никто не видел усталыми, они успевали всюду. Первыми узнавали сводку Совинформбюро, доводили ее до бойцов, несли слово партии в гущу армии.

Помню комиссара батальона старшего лейтенанта из Челябинска Манчикова. С ним вместе мы защищали Москву. Это был особенный человек. Он знал в батальоне каждого по имени-отчеству, знал, у кого какая семья и чуть ли не у каждого — домашний адрес.

Когда мы ходили батальоном в атаку, комиссар на своем танке старался быть впереди. Но часто другие машины обгоняли его то с одной стороны, то с другой, стараясь прикрыть. Как могли мы берегли своего комиссара.

Наш комиссар по лицу мог угадать настроение каждого. Получил я как-то из дому письмо от жены. Пишет о несправедливости, кото-

рую допустил один из руководителей к семье фронтовика. Настроение у меня от этой весты было подавленное. И тут комиссар заметил мое состояние.

— Почему хмур? — спросил он. — Какая причина?

Я рассказал о письме. Комиссар успокоил меня.

Через некоторое время получаю письмо из дому. Жена пишет, что райисполком получил письмо из воинской части, где я служу, в котором рассказано о несправедливых действиях председателя сельского Совета. Его решение отменено. От души сразу отлегло.

Как я потом узнал, это была работа комиссара Манчикова. Спасибо ему!

Таких комиссаров я встречал за войну немало. Был у нас комиссар в Сталинграде, грузин, фамилии, жаль, не помню. Это был человек исключительной храбрости, ради своих бойцов готовый на все.

Фашисты подбили один из наших танков. Машина стояла под обстрелом противника. Двое из экипажа погибли, двое оказались ранеными, о чем и сообщили по радию.

Комиссар на только что отремонтированном танке один поехал к подбитой машине и вывез раненых. О таком человеке можно было написать книгу. В боях на Курской дуге наш бесстрашный комиссар погиб.

Танкисты не стояли длительное время на одном месте. Их перемещали туда, где труднее. В таких условиях, казалось бы, какая могла быть речь о партийной работе. Но работа велась. Шли жестокие непрерывные бои. И шли в минуты передышки партийные собрания, на которых решались злободневные вопросы: как лучше выполнить приказ командования, о занятии города или рубежа. Шел и прием в партию.

Собрания на фронте проводились, пожалуй, чаще, чем в тылу. Были случаи, когда приходилось, прервав собрание, отбивать атаку врага, потом продолжать, порой уже в меньшем составе. Особенность фронтовых собраний состояла в том, что вопросы здесь решались активно, быстро, по-деловому.

Комиссары пользовались на фронте особым расположением и любовью бойцов. Сколько было случаев, когда солдаты закрывали собой от пуль комиссаров. И это не случайные эпизоды. Я думаю, путь к такому подвигу складывался из братства фронтовой службы, высокого патриотизма. Тот, кто совершал такой подвиг, в последнее мгновение своей жизни мог думать только одно: «Комиссар здесь нужней, он сделает для защиты Родины больше, чем я».

Наш корпус прибыл в район Курской дуги в середине июля 1943 года. Только что оттремела первая схватка, когда фашисты, пытаясь перейти в наступление, проверили прочность нашей брони. Она оказалась крепкой. Потом началось наше контрнаступление, которое гитлеровцы остановить были не в силах.

В один из дней нас, целую роту танкистов, на машинах привезли в тыл, за один-два километра от передовой.

Там стояли два огромных новеньких танка неизвестной марки. Это были немецкие «тигры». Вокруг танка с большой палкой ходил майор, показывая нам уязвимые места, рассказал технические данные. Знал он немецкую машину в совершенстве.

Вопросов задавали много: с этими «тиграми» нам предстояло еще встретиться в боях. Каждый экипаж проехал на этом трофее, а механики-водители попробовали управлять им.

Почти всю битву наша рота не встречалась с «тиграми», их у фашистов еще было мало.

Большая Писаревка. Здесь немцы продолжали отступать, для наступления они уже не имели сил. В некоторых местах гитлеровцы еще предпринимали контратаки с целью улучшения своих оборонительных позиций. Вот тут мы и встретили первый раз «тигров». Они стояли в капонирах и вели по нам огонь, прикрывая свои танки, которые пытались овладеть высотой.

Наш танк, как бы обходя стороной атаку немцев, шел по склону высоты. Атаковавшие немецкие танки оказались к нам левым боком. Нас они не видели.

Мы поднимаемся по склону. Короткая остановка и выстрел. Задним ходом откатываемся за холм.

Снова поднимаемся. Выстрел — фашистский танк горит. Экипаж выскакивает наружу и попадает под очереди моего пулемета.

Снова несколько выстрелов, и горит еще один танк. И второй экипаж полег от пулемета.

За этот бой наш экипаж был награжден, я получил медаль «За отвагу».

Кто был участником битвы на Курской дуге, тот не может забыть фашистских укреплений. Нам, танкистам, особенно памятливы они, ведь мы первыми пробивали брешь в обороне врага.

Полтора года немцы имели возможность здесь, на Курской дуге, возводить укрепления. И они постарались. Первая полоса обороны состояла из пяти рядов траншей с ходами сообщения. Между траншеями устроены проволочные заграждения на стальных кольях. И, са-

мое главное, были сплошь минные поля. Заранее проделать проходы в этих начиненных смертью полях не было возможности.

Появилась в это время у немцев и новинка: танковая башня, стальной колпак которой перевозился на прицепе тягача. Его ставили в яму, сверху оставалась овальная часть колпака с амбразурами для пулемета, а сверху стереотруба для обзора. У башни была плотная дверь. Такие броневые колпаки использовались как огневые точки или наблюдательные пункты.

Блиндажи немцы строили в несколько бревенчатых накатов. Внутри эти убежища были обшиты фанерой, устроены полочки, вешалки и постели с награбленными у населения подушками и перинами. Словом, устраивали себе полный комфорт.

Наши блиндажи не имели такого комфорта. Да и не нужен он был нашим войскам, мы не собирались отсиживаться в обороне. У нас стояла одна цель — идти вперед.

Фашисты были уверены в неприступности своей обороны. Но перед бурей нашего наступления не устояли, зашатались и рухнули их укрепления, зловещие новинки их обороны.

И еще об одной новинке вражеской обороны. В одном из наступлений после артподготовки мы на своих «тридцатьчетверках» устремились на передний край противника.

Наш танк быстро приближался к первой траншее. До нее осталось совсем немного. Мой глаз плотно прижат к резиновому окуляру оптического прицела, а палец — на гашетке пулемета. Вдруг я увидел, как бы из подземелья вынырнула немецкая каска. В тот же миг я нажал на гашетку. Короткая очередь — каска исчезла.

После того, как мы проутюжили вражеские траншеи, их заняла наша пехота. Наши машины отошли в лесок на исходные позиции. Это было совсем рядом с тем местом, где я стрелял по каске. А она все не выходила из моей головы.

Рассказал ребятам из экипажа об этом случае. Они посмеялись: такого еще не бывало, чтобы люди выныривали из земли, как из воды. Тогда с моим другом механиком-водителем Лукьянчиковым мы решили посмотреть, что там такое было.

Проходя вдоль немецкой траншеи, слышали возбужденные голоса наших солдат. Они нашли ход, ведущий из траншеи в сторону фронта. Ход тянулся метров 7-8 на глубине более метра и выходил на поверхность круглым отверстием со ступеньками по бокам.

Оказывается, это тоже была новинка фашистов для истребителей танков. Из таких нор они гранатами подрывали наши машины.

Мы заглянули в нору. Там, скорчившись, сидел уже окоченевший немецкий офицер. В правой руке крепко зажата граната. Она могла бы взорвать наш танк, но фашист не успел, его скосил пулемет нашей «тридцатьчетверки».

Этот случай стал известен всем экипажем нашего корпуса. Танкисты были предупреждены о новшестве фашистов.

Мне в наградном листе было записано: «За спасение боевой машины и уничтожение истребителя танка наградить медалью «За боевые заслуги»».

Август 1943 года для фашистов сложился тяжелым. Одну за другой оставляли они свои укрепленные линии. Натиск наших войск был таким, что в некоторых местах гитлеровские вояки панически бежали.

За период битвы на Курской дуге я не помню ни одного дождя. Большинство грунтовых дорог настолько избиты, искромсаны танковыми гусеницами, что поднявшаяся пыль сутками висела в воздухе. Поэтому даже авиации было трудно порой установить линию обороны врага.

Мы беспрерывно вели танковые атаки на противника. Не было времени даже на короткий отдых. Экипажи сильно изматывались.

И вот, когда нам предстояла кратковременная передышка, командир роты гвардии капитан Колесников получил приказ разведать и установить линию обороны противника.

Времени для того, чтобы послать в разведку менее уставший экипаж, у командира не было. Он получил разрешение идти в разведку на своем танке и взять еще один экипаж.

Мы уложили двойной боекомплект, заправили баки горючим и приступили к выполнению боевого задания. Единственное, что знали о противнике, это то, что он находится в 8-10 километрах.

Выехали в неизвестность. Вскоре возникла еще одна трудность. Фашисты мстили населению за свое поражение, угоняли людей в Германию. Мы не могли встретиться с местными жителями, потому что люди принимали наши танки за немецкие и прятались.

Но все-таки мы встретили двух пожилых женщин. Они нам сказали:

— Фашисты шли и ехали не один день. Шли еще и сегодня. Все на запад.

Такая информация нас не устраивала. Солнце клонилось к закату, а мы так и не выяснили обстановку.

Вскоре второй танк отстал. Ребята по радиации передали, что заглох мотор. Мы остались одни.

Быстро сгущались сумерки. И вот под гусеницами танка захлопала вода, по смотровым щелям захлестали ветви кустов. Остановились, осмотрелись и поняли, что попали в болото.

Стало совсем темно. Прожектора у нас не было, на фронте их хватало до первого боя. Да если и был бы, едва ли им могли бы воспользоваться в создавшейся неопределенной ситуации.

Я связался по радиации с полком, командир доложил обстановку и получил приказ оставаться на месте до рассвета.

Мы заглушили мотор. Сломанными ветками замаскировали свою машину и устроились на ночь в танке. Усталость непрерывных боев, недосыпание последних суток такой тяжестью придавили нас, что мы все провалились в сон как в яму.

На рассвете беспокойный командир очнулся первым и легкими толчками разбудил нас. При этом он говорил шепотом, чтобы мы молчали.

На фронте нужны мгновения, чтобы перейти от сна к бодрствованию. Мы обратились в слух. Командир сказал:

— Кругом нас находятся немцы.

И точно. В смотровые щели мы разглядели пушки, крытые автомашины и даже автобус. Главным зрелищем была полевая кухня, из трубы которой курился дымок. К кухне тянулась длинная очередь немецких солдат с котелками. Некоторые из них были в одних трусах.

Когда они тут появились, мы не знали. Но только не раньше нас. По их беспечному поведению мы чувствовали — они не знают о нашем присутствии. Спасибо маскировке!

Нас беспокоило одно — как быстрее вырваться из болота. Когда хорошо осмотрелись, оказалось, что мы находимся на мысу, вклинившемся в болото. Опасности завязнуть не было.

Всем экипажем договорились, как в столь необычной обстановке вести бой. А что вступать в бой необходимо, согласились молча. Самым главным преимуществом в создавшейся ситуации была внезапность. Многие зависело от механика-водителя. Мастерство нашего механика танка Лукьянчикова нам было хорошо известно по Сталинграду. Не раз он выходил победителем из самых, казалось бы, безвыходных положений. Экипаж верил в него.

Яростный рокот мотора и выскочивший из болота танк, с которого еще не успели слететь все ветки маскировки, произвели на фашистов ужас. В гущу гитлеровцев ударили пушка и пулемет.

Я боялся потерять из поля зрения кухню — это был мой ориентир — и непрерывно стрелял в живую очередь.

Немцы метались из стороны в сторону. Командир из пушки разбил машины и прицепленные к ним пушки. Крытые машины и автобус занялись пламенем.

Механик все время маневрировал, делал короткие остановки для стрельбы из пушки, давил все, что попадало под гусеницы. Командир по танковому переговорному устройству корректировал действия экипажа.

А между тем немцы опомнились и начали вести по нам организованный огонь. Ударили пушки. Одну после первого же выстрела мы уничтожили. Но уже пора было покидать поле боя. И мы, отстреливаясь, стали отходить, тем более что получили по радиации приказ возвращаться.

Когда вернулись, о наших делах знал командир корпуса, который посылал самолет сфотографировать место боя. Как потом стало известно, из тыла пришла на пополнение немецкая часть. С ней у нас и произошла встреча.

В наградных листах было написано: «Экипаж танка командира роты гвардии капитана Колесникова уничтожил более двух батальонов пехоты противника, несколько пушек, штабные машины и боеприпасы. Гвардии капитану Колесникову присвоить звание Героя Советского Союза. Механика-водителя Лукьянчикова наградить орденом Красного Знамени, стрелка-радиста Евдокимова — орденом Красного Знамени, башенного стрелка Латышева — орденом Красной Звезды.

Перед городом Грайвороном в августе 43-го шли тяжелые танковые бои. Немцы продолжали яростное сопротивление. Но ничто не могло остановить наши войска.

У нас в полном достатке имелись боеприпасы, на танках поставлены более мощные пушки, а пехота вместо винтовок вооружена автоматами. Такого количества наших самолетов, как здесь, я не видел ни под Москвой, ни в Сталинграде. Едва отбомбившиеся самолеты возвращались на свои аэродромы, как на смену им появлялись новые.

Развивая наступление, наши танки преследовали врага. Через новенький мост на реке перед Грайвороном и ворвались в город. Потом мы узнали: этот мост только что был построен немцами. Они так поспешно отступали, что не успели его взорвать.

Грайворон — городок небольшой, дома деревянные, улицы небольшие. Когда наша рота входила в город, другие танки уже пересекли его.

Жители города, узнав, что это советские танки, вышли встречать долгожданных освободителей. Мы увидели группу людей десятка в полтора. Впереди стоял седобородый старик. На вытянутых руках он держал поднос, покрытый вышитым полотенцем, а на нем небольшая шоа, в два кулака, булочка хлеба и деревянная солонка. На груди старика поблескивали три георгиевских креста.

Командир роты приказал танкам остановиться, а мне вместе с ним выйти из машины. Едва мы подошли к встречающим, как оказались в крепких объятиях.

Старик смотрел на нас, то на одного, то на другого, пытаясь определить старшего. Это ему не удавалось: на нас были комбинезоны без погон.

Я подсказал. Старик вручил командиру хлеб-соль. Командир попытался было вернуть их старому человеку, зная как голодали наши люди при немцах. Но старик сказал:

— Отказаться от этого нельзя. Чтобы испечь такую маленькую булочку мы еле-еле наши муки. А труднее было с солью.

Капитан пообещал, что хлеб-соль он разделит на всю роту. Мы сердечно распрощались.

Булочку хлеба и соль капитан передал на хранение мне. Я ее потрогал, она оказалась изрядно черствой, видно, ждали нас тут уже несколько дней.

Потом булочку разрезали на дольки по количеству людей в роте. Каждому была известна история этой дольки. Все принимали ее как святыню.

Встречали нас везде как самых дорогих и родных людей. Сколько было тогда у людей радости и счастья. И подумать страшно, как мог свободный советский человек пережить рабство.

Мне запомнилась еще одна встреча.

Не помню названия той небольшой деревушки. Несколько наших танков остановились, чтобы долить воды в радиаторы.

Из деревни выходили две дороги. Командир роты приказал мне узнать у жителей, которая из них главная.

Я прошел в одну сторону деревни, потом в другую. Людей нигде не было видно. И вот из одного двора на меня с криком бежит худенький, маленького роста старичок с седой бородкой, а за ним две молодые девушки. Старик обнял меня, целовал и плакал.

Вот ради таких встреч трижды была пролита моя кровь, пережиты подмосковные морозы 1941-42 годов, Сталинградское сражение и, наконец, июльский зной, перемешанный с жаром мотора и пороховыми газами в бронированной башне на Курской дуге.

Я часто вспоминаю преподнесенные хлеб-соль, слова, обращенные к нам, освободителям. Для меня это выше всяких наград.

...Когда по берлинскому радио был передан приказ коменданта города Берлина о бессмысленности дальнейшего сопротивления, из окон уцелевших домов последние защитники столицы немецкого рейха вывесили белые флаги капитуляции. И после продолжительной, непрерывной канонады, наконец, наступила тишина.

На стенах рейхстага советские воины-победители, дошедшие до Берлина, оставляли свои автографы.

В это время за несколько тысяч километров от немецкой столицы, на Урале, в Челябинске, на танкодроме — так тогда называли Челябинский тракторный завод — с конвейера сходил последний танк «ИС» военного времени.

Этот танк не отправили на фронт. В знак памяти героического трудового подвига челябинцев, от которых фронт получил 18 тысяч танков и более 48 тысяч танковых моторов, танк установили на постаменте на Комсомольской площади против фасада Дома культуры ЧТЗ. Во время войны в этом помещении учились и формировались танковые экипажи.

Отсюда я поехал в 1941 году защищать Москву.

Когда я бываю в Челябинске, как бы ни был занят, но на Комсомольскую площадь заверну обязательно. Вспоминаю о друзьях, с которыми вот по этой площади ходили и пели: «Идет война народная, священная война». Любил эту песню наш запевала. Под Москвой мне пришлось его хоронить.

Каждый раз, приходя к постаменту, я встречаюсь с танком как со старым другом. Ведь танк спасал меня своей броней от вражеских пуль и осколков. Ведь это мы с ним не только огнем, но и гусеницами очищали нашу страну от фашисткой нечисти под Москвой, Сталинградом, на Курской дуге.

Каждый раз я читаю и перечитываю надпись на постаменте, хотя давно знаю ее наизусть:

«Уральцы, вам,
чьи руки золотые
ковали здесь победу
победу над врагом».

«Низкий поклон вам, кузнецы победы, от нас, ветеранов войны. Это вы дали нам силу, мощь, надежную технику, чтобы сокрушить врага», — с такими мыслями я каждый раз прощаюсь со своим стальным другом до следующей встречи.

И. Евдокимов, участник Великой Отечественной войны.

1980 г.

ЖИВЫ В ПАМЯТИ ТЕ ДНИ

В июне 1944 года наш 369-й гвардейский полк тяжелой самоходной артиллерии, где я был командиром 122-миллиметровой пушки, стоял в обороне в окрестностях города Тернополя, на окраине деревни Янувки.

Наша батарея, командовал которой Синицын, располагалась на опушке молодой рощи. Перед нами расстилалась равнина, засеянная пшеницей, а в низине протекала небольшая речка. За ней на расстоянии одного-полутора километров располагались передовые вражеские позиции.

Город Тернополь был освобожден, но сильно разрушен. На станцию ежедневно подходили эшелоны с новыми воинскими подразделениями, техникой и боеприпасами. Командование 1 Украинского фронта готовилось к решительному наступлению.

Тревожными были для нас эти июньские дни, а особенно ночи. Почти ежедневно с наступлением темноты фашисты пускали над станцией и городом светящиеся бомбы, так называемые «фонари». Становилось светло, как в ясный солнечный день, и фашистские самолеты-бомбардировщики сбрасывали сотни бомб на станцию и город.

18 июня мы получили несколько боекомплектов снарядов, трехдневный паек и стали готовиться к наступлению.

Этот день наступил. На рассвете 21 июня все пришло в движение. Началась мощная артиллерийская подготовка. Сотни орудий ударили по фашистским передовым позициям. В воздухе появились сотни наших бомбардировщиков, которые тоже обрушили свой груз на врага.

От взрывов бомб и грохота снарядов дрожала земля, вспышки огня и облака дыма наполнили воздух.

Вслед за артподготовкой двинулись на врага наши мотомехчасти, в том числе и наш полк. Враг встречал нас огнем, но уже утром не выдержал натиска, был выбит из передовых оборонительных линий и начал отступать. Наши войска преследовали врага, и за первые сутки боев нам удалось продвинуться на несколько километров.

Не давая врагу передышки, наши войска, ведя ожесточенные бои, в начале июля полностью освободили Тернопольскую область и успешно продвигались по направлению к городу Львову, крупному промышленному и культурному центру Западной Украины.

В районе города Злочев Львовской области немцы закрепились и оказывали упорное сопротивление. Части танковой армии маршала бронетанковых войск П. С. Рыбалко, в которую вошел и наш полк, преследуя врага, вклинились узкой полоской шириной в 10-15 кило-

метров в тыл врага на расстояние до 25 километров, но были окружены вражескими войсками.

Оказавшись в «мешке», мы три дня вели ожесточенные бои с врагом и, наконец, с помощью других воинских подразделений были не только освобождены из окружения, но и сами окружили и разгромили значительную группировку противника.

Из сообщения Совинформбюро мы узнали, что при разгроме Злочевской группировки фашисты потеряли несколько тысяч убитыми, много боевой техники, а до 40 тысяч немцев были захвачены в плен. Поле боя было усеяно вражескими трупами и разбитой боевой техникой.

В городе Злочеве горели дома. По дороге на город Львов нам навстречу двигались большие колонны пленных немцев.

В этих боях наш расчет уничтожил три вражеских танка и несколько десятков немцев и был представлен командованием полка к наградам. Я был награжден орденом Красной Звезды.

В результате разгрома этой группировки врага наши войска 27 июля 1944 года овладели городом Львовом. Сломив сопротивление врага под Львовом, части Советской Армии через несколько дней овладели городом Перемышль на реке Сан и вышли на государственную границу с Польшей.

Осенью 1944-го и зимой 1945-го войска Первого Украинского фронта под командованием Маршала И. С. Конева, куда входил и 369-й гвардейский полк тяжелой самоходной артиллерии под командованием полковника А. М. Кузнецова, в котором я был командиром-наводчиком 122-миллиметровой пушки, вели успешное наступление, преследуя врага, и с боями освобождали города и села оккупированной фашистами Польши. Были освобождены города Ярославец, Жешув (центр Жешувского воеводства), Дембица и другие.

Сильное сопротивление немцы оказали на подступах к городу Кракову — крупному промышленному и культурному центру на юге Польши. Мосты через реку Вислу были взорваны. Под ураганным огнем врага наши саперы навели понтонные мосты, по которым войска успешно форсировали Вислу.

Битва за освобождение г. Кракова была ожесточенной. Наш полк в этих боях потерял две боевые машины. Погибли мои боевые товарищи Анатолий Острогляд из Каргалов Челябинской области и Василий Новожилов из Кировской области.

Фашисты заминировали Краков и решили взорвать его, чтобы уничтожить культурные и архитектурные памятники. Осуществить свои

злодейские планы им не удалось, так как эти планы были своевременно разгаданы патриотами Польши совместно с советскими разведчиками, работавшими в тылу врага. Город Краков, особенно его центральная часть, был спасен от разрушений. Только район, прилегающий к вокзалу, и некоторые окраины города подверглись разрушениям. Фашисты не ожидали стремительного наступления наших войск и с позором бежали, так что серьезных уличных боев в Кракове не было.

Овладев Краковом, советские войска продолжали наступление. Был освобожден город Освенцим, где находился фашистский лагерь смерти. В печах крематория здесь были уничтожены десятки тысяч людей.

Освободив Польшу, мы вступили на землю фашистской Германии. В городе Глейвице — крупном промышленном центре Верхней Силезии нами были освобождены из лагеря увезенные в Германию советские женщины. Лагерь был обнесен колючей проволокой. Женщины жили в бараках, где устроены двухъярусные нары. Сыро и темно, жили в антисанитарных условиях и многие не выдерживали, болели и умирали. Помню, как женщины и девушки, освобожденные из лагеря, со слезами на глазах выбегали к нам навстречу и обнимали воинов-освободителей.

В конце марта 1945 года наши войска вышли к берегам реки Одер. Фронт был расчленен. Часть войск Первого Украинского фронта была направлена на Берлин, а часть — на освобождение Чехословакии. Нашему полку вместе с другими воинскими подразделениями нужно было взять водный рубеж (реку Одер) и овладеть важным стратегическим пунктом фашистов г. Ратибором, расположенным на левом берегу Одера.

В городе, как мы узнали позднее, были важные военные заводы и один из них выпускал грозное оружие «фаустпатроны» — зажигательные снаряды. При попадании в цель они прожигали броню танков, самоходок, бронемашин. Немцы оказывали здесь упорное сопротивление. Мост через реку Одер, ведущий в город, был взорван.

Саперные части проложили понтонный мост в нескольких километрах от города. Под ураганным огнем противника нашим частям удалось переправиться через реку, захватить плацдарм на левом берегу и организовать наступление на город Ратибор с тыла. После усиленной бомбежки и натиска бронетанковых войск и артиллерии нам удалось овладеть городом.

Дорого обошлась нам эта победа. Наш полк потерял в этом бою семь боевых машин. Три экипажа погибли полностью, а члены ос-

тальных получили ранения. Здесь погибли мои боевые товарищи Александр Лебедев из Волгоградской области, Иван Хмельницкий с Украины и другие.

Наш экипаж благополучно провел эту боевую операцию. Когда мы ворвались в город, улицы его были заполнены дымом, всюду горели и рушились дома, валялись трупы и подбитая боевая техника.

После разгрома немцев на Одере и взятия г. Ратибора был открыт путь и началось успешное освобождение нашими войсками дружественной Чехословакии. В боях на Одере погиб начальник штаба полка подполковник Красиков Михаил Иванович.

В конце апреля 1945 года наш полк находился на отдыхе в г. Кравец в Чехословакии, где и довелось встретить долгожданную победу. 9 мая 1945 года рано утром дежурный по штабу принял телеграмму о капитуляции фашистской Германии и окончании войны. Эта весть моментально облетела весь полк, и состоялось незабываемое всеобщее ликование всего личного состава. Солдаты, сержантский состав и офицеры поздравляли друг друга с победой, не было конца объятиям и рукопожатиям.

В 10 часов утра полк был выстроен на центральной площади города, где состоялся митинг и был дан трехкратный салют из автоматов в честь Победы. В 2 часа дня организован торжественный обед на свежем воздухе — на улице.

После обеда ходили в кино в местный кинотеатр, гуляли по городу. До позднего вечера пели песни, танцевали. Так прошел первый день мира.

Много пришлось пережить и повидать на дорогах войны. Целыми месяцами приходилось жить только в машине. По несколько месяцев не мылись в бане. Но несмотря на все невзгоды и трудности мы выстояли и победили.

**Ф. Лобанов, участник
Великой Отечественной войны.
1980 г.**

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Шел 1944 год. Войска Ленинградского фронта вели ожесточенные наступательные бои, освобождая родную землю от фашистских захватчиков. В это время в 140-й бомбардировочный авиаполк прибыл молодой летчик Иван Александрович Токмаков, которого я знал по Омской школе летчиков. Небольшого роста, с твердым пронизательным взглядом и на редкость общительный, он прекрасно владел техникой пилотирования. Вскоре он стал летать на выполнение боевых заданий.

25 июля 1944 года нашему полку пикирующих бомбардировщиков было приказано нанести бомбовый удар по артиллерийским позициям переднего края вражеской обороны. Несмотря на сильный зенитно-заградительный огонь врага бомбардировщики вышли на цель и нанесли удар. Рядом с самолетом Ивана Токмакова взорвался зенитный снаряд, осколками пробило масляный бак. Мотор задымил.

По инструкции нужно было немедленно вернуться на аэродром. Но цель впереди. И Токмаков принял решение. На одном моторе в сопровождении истребителей прикрытия дошел до цели, сбросил бомбовый груз на врага и вышел на свою территорию. Но полет продолжать было невозможно, стал перегреваться второй мотор. Иван Александрович произвел посадку на одном моторе на полосу ржи на фюзеляж. За мужество и отвагу командир полка объявил ему благодарность.

В начале октября 1944 года войска 3-го Белорусского фронта освободили Литву от фашистских захватчиков, первыми вышли к границе Германии и начали наступление на Восточную Пруссию. 276-ю бомбардировочную авиадивизию передали в состав 1-й воздушной армии 3-го Белорусского фронта, которая приняла активное участие в разгроме вражеских войск в Восточной Пруссии.

16 октября 1944 года 140-му авиаполку пикирующих бомбардировщиков было приказано нанести бомбовый удар по железнодорожной станции Шталлупенен, где сосредоточилось большое количество боевой техники врага.

Полк вел командир полка Герой Советского Союза Иван Федорович Кованев. Когда подходили к цели, фашисты открыли сильный зенитный огонь. Маневрируя скоростью, курсом, бомбардировщики прорвались к цели и нанесли удар. Все кругом горело, цель заволочло черным дымом.

При отходе от цели впереди машины Токмакова взорвался снаряд. Самолет тряхнуло, и он резко пошел вниз. Самолет подбит, стал

вытекать бензин. Иван Александрович повел израненный бомбардировщик на свой аэродром. Уже близко аэродром, но горючее кончилось. Иван Александрович мастерски посадил бомбардировщик, спас самолет и экипаж.

Осмотрев самолет, техник ахнул: на нем было 16 пробоин.

Наступило затишье. Войска фронта готовились к разгрому Восточно-прусской группировки. 13 января 1945 года артиллерийская канонада известила о начале полного разгрома этой группировки врага. Началось ожесточенное сражение.

16 января 140-му авиаполку было приказано нанести бомбовый удар по сильно укрепленному городу Пилькален. Фашисты вели ураганный зенитный огонь. Снаряды рвутся совсем рядом. Один из них взорвался под правой плоскостью самолета, управляемого летчиком Токмаковым. Самолет резко накренился влево, скользнул вниз, плохо слушая штурвал. Разбило мотогондолу, и правая нога шасси вывалилась. Критическое положение. Самолет стал почти неуправляемым.

Но Иван Александрович не растерялся, выровнял самолет и потянул на свой аэродром. Под самолетом крутые овраги, впереди река Неман. И в этот момент отказало управление самолетом: были перебиты тяги к рулям глубины. И неуправляемый самолет упал в реку Неман, ударился об лед, потом об берег. Оторвался левый мотор, снесло кабину.

Иван Александрович тяжело ранен в голову, потерял сознание. Штурман Борис Стацок рядом в кабине также без сознания, стрелок-радист остался невредимым.

Очнулся Иван уже в госпитале. Вылечился и в конце марта 1945 года, еще не окрепший, вернулся в родной полк. Стал проситься летать на боевые задания. Командир эскадрильи майор Моисеенко говорит:

— Отдохни, набери сил.

Но Токмаков стоял на своем. И ему разрешили летать. Иван Александрович с честью летал на выполнение боевых заданий и после тяжелого ранения еще совершил 17 боевых вылетов. Наносил бомбовые удары по крепостям Кенигсберг, Пиллау.

За мужество и отвагу награжден орденом Отечественной войны I степени и многими медалями. После войны Иван Александрович выполнял сложные полеты. Но старая рана давала о себе знать, и по состоянию здоровья он уволился в запас. Последние годы работает прокурором Шумихинского района.

23 года мы не знали ничего друг о друге. 19 января 1974 года в Ленинграде, в музее боевой славы мы встретились и обнялись как родные братья, ведь фронтовая дружба роднит людей. После этого нас по-отечески принял генерал в отставке Михаил Николаевич Колокольцев. Целый день прошел в разговорах незаметно. Боевые друзья вспоминали пройденный боевой путь.

Чем дальше мы от того тревожного и героического времени, тем величественнее кажутся героические подвиги однополчан. Желаю дорогому боевому другу крепкого здоровья, творческих успехов в труде на благо Родины.

**В. Зенкин, бывший летчик 34 гвардейского авиаполка
276 бомбардировочной авиадивизии, майор запаса.
1975 г.**

**Рабочий машиностроительного завода Павел Петрович Мирошниченко.
Погиб на фронте в 1944 году.**

ГЛУБОКИЕ КОРНИ

— Отец мой был природный пахарь, — словами из песни говорит Александр Ильич. И хоть эти слова из песни, они близки ему, потому что отражают суть: династия Андреевых неразрывными узами связана с землей. И пусть меняются методы и средства ее обработки, неизменной остается преданность земле, в которую Андреевы пустили глубокие корни. За эту землю они отважно сражались с фашизмом, десятки лет с любовью обрабатывают ее, повышая плодородие...

Столбово оплакивало вдовство Ильи Павловича, сиротство его детей Александра и Марии. Горе крепкими клещами сжало молодую, еще не окрепшую семью. От теплого участия односельчан становилось полегче. Постепенно и время снимало боль утраты, но сердце Ильи Павловича словно заledenело. Он стал хмурым и замкнутым. И дети, чувствуя перемену, жили робко, беспокойно.

Когда отец привел Наталью, высокую, красивую девушку, и сказал: «Теперь она будет вашей матерью», недоуменно переглянулись: какая же это мать? Но вскоре привязались к ней больше, чем к отцу. Ее доброта и бескорыстие вернули семье покой. Слово теплый луч проник в приземистую избу, а затем и сердца детей.

Село обсудило эту новость, да и забыло. А ей надо было жить, воспитывать детей. И потом, когда родились свои дети Миша, Ваня, Катя, в сердце Натальи Васильевны оставалось место для любви к старшим. Все они воспитывались как родные, такими остались до сегодняшнего дня.

В селе становилась и крепла колхозная жизнь. Андреевы стали ее опорой. Отцу поздно было садиться на трактор, а Александру и Михаилу посоветовал: «Осваивайте технику, в ней наша сила». Они вместе окончили курсы трактористов:

Михаилу поработать не пришлось: призвали в армию. А через месяц и Александра мобилизовали на строительство оборонительных сооружений в Прибалтике. В Столбове остались его жена Евдокия Степановна с пятью детьми.

18 июня получил Александр Ильич письмо от жены, в котором она сообщала адрес Михаила. Написал ему, а вот дойдет ли письмо, не знал. Потому что сам вскоре оказался в такой ситуации, что до сих пор считает свое спасение чудом.

Утром двадцать второго их подняли по тревоге. Лишь построились, увидели самолет, который вначале приняли за санитарный. А он начал бросать бомбы, и домик в ста метрах загорел как факел. Войну Андреев видел в разных проявлениях, но этот эпизод не выт-

равить из памяти: вражеский самолет, горящий домик и строй людей, вооруженных лопатами и мотыгами...

Было все: горечь отступления, голодные дни и ночи, выход из окружения. Как великое избавление восприняли весть о том, что их включили в состав 110-го понтонного батальона. А когда получили оружие, будто сил прибавилось: теперь можно драться с врагом на равных.

Упорные бои шли в сорок первом на Калининском фронте. Александр Ильич строил малозаметные препятствия: тянул сетку, подключал кабель к источнику электроэнергии, под огнем противника устранял повреждения. Это были повседневные заботы и тревоги. Но один случай, наиболее опасный, запомнился особо.

В результате минометного обстрела пробило кабель. Сетка обесточила и перестала быть препятствием для врага. Командир отделения приказал Андрееву с минером устранить повреждение. Ночь, кругом минные поля. Опасность подстерегала на каждом шагу. Когда в сорока метрах, прикуривая, немецкий солдат зажег спичку, они поняли, что чуть не наткнулись на вражеский секрет. Осторожность и самообладание помогли им выполнить задание и вернуться живыми. Первая награда — медаль «За отвагу» украсила грудь Александра Ильича.

Он воевал, а мысли о доме, о семье бередили душу. Знал, как трудно жене работать в колхозе и воспитывать детей. А тут словно разрывом мины оглушило: жена писала, что умер сын Анатолий. И стал Александр Ильич мстить не только за поруганную советскую землю, но и за сына, который, он знал, выжил бы в мирное время.

Нет, не получил Михаил письмо от брата. Не смог услышать ободряющих слов. И сам не успел ничего написать. Он был в числе первых, с кем безжалостно расправилась война. Еще любовь не тронула его сердце, еще осмысленная жизнь только начиналась, а он отдал ее ради свободы Отчизны. В рыданиях матери Михаила отзывалась скорбь Родины-матери по ее верному сыну.

Иван смотрел, как мать с серым клочком «похоронки» в руках обессиленно опустилась на кровать, слышал ее безудержные рыдания и со всей очевидностью представил ужас свершившегося: он никогда больше не увидит брата. Тогда он поклялся отомстить за смерть брата, за горе матери.

Месть эта выплеснулась многотоньем снарядов, выпущенных по врагу. Получив под Харьковом боевое крещение, Иван Ильич прошел с боями, освобождая Украину, Венгрию, Югославию. Под Воронежом рядом с его орудием разорвалась мина. Двух бойцов из его

расчета убило, а Андреева ранило. Когда, досрочно выписавшись из госпиталя, вернулся в свою часть, товарищи назвали его из мертвых воскресшим.

А он вновь принял командование орудийным расчетом и продолжал сражаться. За форсирование Днепра Ивана Ильича наградили орденом Славы 3 степени, за бои в Югославии — вторым орденом Славы. Его орудие стреляло по Берлину.

И после окончания войны нашлись свидетельства его мужества. В 1948 году Ивана Ильича пригласили в военкомат и вручили боевую награду — медаль «За отвагу».

Затаив дыхание, смотрел он в сельском клубе документальный фильм о параде на Красной площади, состоявшемся 24 июня 1945 года. Торопил события: «Вот сейчас покажется наш орудийный расчет...» И действительно, в командире расчета узнал он себя, увидел товарищей, с которыми разделил военную судьбу. Прошло тридцать лет, а он помнит до мельчайших подробностей все, что связано с этим событием. Из орудийных расчетов части выбрали расчет сержанта Андреева, наиболее прославленный.

...Иван Николаевич Афанасьев зовет Ивана Ильича своим спасителем.

Случилось это вскоре после войны. Андреев работал трактористом, зимой ремонтировал технику в Птичанской мастерской. В полночь возвращаясь домой, услышал, что к завываниям пурги где-то вдали от дороги примешивается посторонний звук. «Волки», — сначала подумал Иван Ильич. Их тогда много водилось в окрестных лесах. Но интуиция подсказала: надо пойти, проверить, не человек ли? Рискуя потерять дорогу, Андреев отправился на звук. Обессилевшего И. Н. Афанасьева, который возвращался со станции Чистое и заблудился, он принес в село. В этом также проявились его высокие моральные качества. Как и в отношении к труду. К его боевым наградам прибавилась мирная — медаль «За трудовую доблесть». Иван Ильич и сегодня продолжает работать трактористом в колхозе им. 22 партсъезда.

Героизму Андреевых в тылу во время войны много подтверждений. Работали в колхозе Илья Павлович и Наталья Васильевна. Прицепщицей была их дочь Мария Ильинична. Будущая жена Ивана Ильича управляла трактором. Не знала отдыха жена Александра Ильича. Ей было, пожалуй, труднее, чем другим: работу в колхозе приходилось сочетать с уходом за детьми.

Что же давало им силы? Что помогало выстоять? Вера в Победу, взаимная поддержка. Если в чью-то семью приходила похоронка, это было горем всего села. Вместе утешали, помогали забыться, найти силы, чтобы дальше работать и жить. Вместе радовались добрым вестям.

Спички в войну были редкостью. И в одной из изб ночью поддерживали огонек, чтобы утром он дал тепло в десятки квартир. Так же щедро и бескорыстно столбовцы дарили душевное тепло. Оно помогало людям в неимоверно трудных условиях работать для фронта, вселяло веру в Победу.

Победа. Она пришла, ослепительная, как вспышка молнии, яркая, как радуга, радостная, как рождение новой жизни. Возвращались с фронта бойцы и принимались за работу. Матери, жены и дети продолжали ждать тех, кто не вернулся. Они не верили, не хотели верить в безвозвратность утраты.

Нет, не смогли фашисты подрубить корни, которыми сильна династия Андреевых. Они стали еще крепче, эти корни, дав новые сильные ростки. Теперь уже у младшей сестры Екатерины своя семья, старшая дочь учится в десятом классе. Екатерина Ильинична — передовая доярка колхоза. Ее портрет помещен в правлении под яркими словами «Лучшие люди колхоза».

Александр Ильич много лет был трактористом. И теперь, будучи на заслуженном отдыхе, помогает колхозу. В прошлую сенокосную пору работал скирдоправом, управлялся за двоих. Выросли его дети. Клавдия — секретарь сельского Совета, Николай — скотник колхоза им. 22 партсъезда, Иван и Петр работают в Челябинске, Валентина — продавец, Анна — зоотехник.

Недавно вернулись из армии брата-близнецы Анатолий и Владимир — дети Ивана Ильича. Они служили в одном подразделении, в Подмоскowie. Проходили по Красной площади, где в парадном строю воинов-освободителей участвовал их отец. Благодарности командования — вот свидетельства того, что они честно выполняли свой воинский долг.

Часто в кабине К-700 рядом с Иваном Ильичем сидит его четырехлетний внук Игорь. И это знаменательно. Подрастает еще одно поколение Андреевых, которое примет эстафету хлеборобов и с честью понесет ее дальше.

**А. Букреев. г. Шумиха.
1975 г.**

ОТ ХАЛХИН-ГОЛА ДО ЭЛЬБЫ

Осень 1938 года была теплая, цветистая, ласковая. С тех пор миновало почти полвека, и много воды утекло из Миасса в море. Наверное, мало кто из субботинцев помнит, что в этом году их земляк Николай Захарович Харланов ушел на военную службу.

В 1936 году, закончив ФЗУ, сельский подросток стал строгальщиком на ЧТЗ. К этому времени он раздался в плечах, возмужал, появилась ловкость в движениях, с лица не сходила улыбка. Звонкая тальянка пела в его руках. А как Коля плясал «Русскую» или «Барыню»! И косарь был непревзойденный. Сочная трава ложилась в ровные рядки у его ног, а он играючи равномерно махал косой, напевая веселую песню. Таким мне запомнился он перед уходом в армию.

Прошло немного времени. Николай закончил полковую школу в 212 воздушно-десантной бригаде и стал младшим командиром.

В 1939 году японские милитаристы решили проверить прочность наших дальневосточных границ. В районе реки Халхин-Гол они вторглись на территорию Монгольской Народной республики. 212-я воздушно-десантная бригада приняла участие в ликвидации зарвавшегося противника. 28 октября 1939 года во время боев Николай был контужен разорвавшимся снарядом.

За мужество и отвагу, проявленные в боях с захватчиком, Николай Захарович Харланов награжден медалью «За отвагу». Эта медаль только что была введена для награждения воинов, особо отличившихся при защите нашей Родины. Вручал ее М. И. Калинин.

Великую Отечественную Николай встретил старшиной роты. Воздушно-десантная бригада с первых дней войны приняла участие в ожесточенных сражениях, разыгравшихся на юго-западном направлении советско-германского фронта. В боях за Киев 15 августа 1941 года старшина был ранен в ногу. После излечения он попал в 330-й стрелковый полк 176 стрелковой дивизии.

Из подольского архива Вооруженных Сил СССР я запросил личное дело офицера Николая Захаровича Харланова. Из дела видно, какой славный боевой путь прошел наш земляк.

С августа 1941 года по февраль 1942 года он был помощником командира взвода, с февраля 1942 года по май 1943-го командовал стрелковой ротой, с мая по декабрь служил заместителем командира батальона, с декабря 1943 по июль 1944 года — командир батальона.

В июне 1944 года он направлен на курсы «Выстрел», после окончания которых в феврале 1945 года назначается комбатом в 340 стрелковый полк 129 гвардейской стрелковой дивизии. К этому времени Харланов в звании вырос до майора.

В боевой характеристике на командира батальона майора Харланова Николая Захаровича говорится, что в Красной Армии он с 1938 года, на фронте Великой Отечественной войны с 8 июля 1941 года. 15 августа и 24 ноября 1941 года легко ранен, 31 марта 1942 года получил тяжелое ранение. Награжден орденами Красного Знамени, Александра Невского, Красной Звезды, медалью «За отвагу».

«Товарищ Харланов в полку с марта 1945 года. Тактически грамотен, правильные решения принять может, умеет организовать взаимодействие родов войск, командные навыки имеет. Дисциплинирован, исполнительен, требователен к себе и подчиненным. Делу партии предан. Занимаемой должности соответствует».

О боевых качествах офицера красноречиво говорит наградной лист из дела:

«Тов. Харланов на протяжении всего периода боев с 18 по 27 апреля 1945 года за населенные пункты Ламидорф, Тюркендорф, г. Витенберг и др. показал умение в управлении подразделениями. В бою 26 апреля 1945 года за г. Витенберг т. Харланов, действуя на левом фланге полка, искусно просочился своими подразделениями в город, открыл огонь по противнику с тыла, чем дезорганизовал его, захватил важнейшие опорные пункты, перекрестки улиц и обеспечил продвижение других батальонов.

Действия батальона т. Харланова обеспечили успех всего полка в овладении г. Витенберг, важнейшим опорным пунктом немцев на берегу реки Эльбы. Командование полка представляет т. Харланова к правительственной награде орденом Красного Знамени».

Наши пути еще раз пересеклись, но об этом я узнал уже после войны.

Летом 1945 года войска 13 армии, освобождавшие г. Ровно, торжественными колоннами проходили по городу, возвращаясь на родину из Германии. Войска двигались по улицам с утра до вечера. Во главе одного из батальонов упругим шагом шел молодой комбат. Что-то в этом майоре напомнило мне субботинского паренька Колю Харланова, но это могло и показаться. Только потом из его письма я узнал, что был прав.

Юношам и девушкам, пионерам и школьникам, всем жителям села Субботино есть чем гордиться. Их земляк мужественно боролся за право жить и трудиться на родной земле.

М. Бухаров.
г. Шумиха.
1984 г.

ПРИНЯЛ ПУЛЮ НА ВЗДОХЕ

«Во время поездки по местам боевой славы красные следопыты Новосильского районного Дома пионеров обратили внимание на братскую могилу и памятник в деревне Тростниково Новосильского района Орловской области. Там похоронены воины, которые погибли при освобождении этой деревни от фашистских захватчиков.

В списке погибших, бережно сохраняемом в сельском Совете, следопыты нашли сведения из далекого от нас города Шумихи Курганской области. Ефрейтор Владимир Назарович Баранов храбро сражался с врагами Родины на орловской земле. Погиб во время прорыва вражеских укреплений на северо-западном участке Орловско-Курской дуги у деревни Тростниково в июле 1943 года. В городе Шумихе у Владимира Назаровича были родственники.

Мы подумали: может, близкие и земляки не знают, где погиб отважный воин из Шумихи, и решили написать в редакцию.

Жители деревни Тростниково свято чтут память о мужественных советских воинах, павших смертью храбрых на полях сражений. Тех, кто защищал нашу Родину и защитил ее ценой своей жизни. Их имена высечены на мраморной плите. У подножия памятника в любое время года лежат живые цветы. Место вокруг ухожено благодаря стараниям учащихся Зареченской школы.

У этого памятника проводятся пионерские сборы и комсомольские собрания, на которых звучат клятвы быть верными заветам отцов и дедов.

Героический подвиг Владимира Баранова и его боевых товарищей служил и будет служить ярким примером для нашей молодежи.

А. Шакула, корреспондент-организатор Новосильского районного радиовещания.

1985 г.»

Давайте мысленно перенесемся в Шумиху предвоенных лет, а если точнее, то на улицу Водопроводную. Именно здесь под номером 53 стоял скромный домик-пятистенник с крышей-шапкой из дерна. А жила в этом доме дружная семья Барановых.

Что сравнивать Шумиху сегодняшнюю с той! Были и дома пониже, и улочки поуже. Знакомая нам улица Водопроводная, которая стала впоследствии носить имя Гагарина, еще не вся застроена. Да и

селились вначале от соседа к соседу далеконочко идти. Как раз напротив барановского пятистенника привольно на берегу озера Куртабыз (теперь возвышается здесь Дом печати) раскинулся пустырь с молоденькими деревцами да кустарниками. Туда частенько ходили ветки для веников ломать.

Облюбовала, это место и молодежь. Местные, крестьянские парни приспособили, обустроили полянку и гоняли футбольный мяч, сражались в волейбол. Тут же качели. А еще до самозабвения любили азартную подвижную игру в шаровки, напоминавшую русские гордки. Благо, палки-шаровки вырезай на месте, есть из чего.

Крепкие, хорошие и дружные парни и девчата росли в этом краю: Агаповы, Ездины, Русины, Барановы... Молодежи много — семьи у всех большие.

Семья Барановых тоже была богатой на детей. Два брата — Владимир да Анатолий, сестры — Аза, Тамара, Ида.

Глава семьи Назар Васильевич умер в 1934 году. Трудно приходилось Марине Емельяновне, женщине некрепкого здоровья, одной поднимать такую семью. Да хорошо, что дети росли уважительными, ласковыми. А уж помощники-то! Жалели мать.

Шумиха того времени напоминала скорее большое село. Соответственно жили и шумихинцы, в большинстве своем держали хозяйство. Не была исключением и семья Барановых. Держали корову. Уход за ней нужен, сено. Володя — старший сын, на нем и лежала основная работа по хозяйству. И опять же дрова на зиму надо заготовить.

Был он любознательным, увлекающимся. Заболел шахматами. С другом Иваном Русиным они, бывало, только выберется свободное время, сразу расставляют фигуры, и пошли нескончаемые партии.

А вот с другим товарищем, Владимиром Шумиловым, Володю связывала страсть к охоте. С ружьишком они прочешут все окрестности, протопают не один десяток километров, а охотничий трофей — зайца, куропатку — добудут. То-то радости, удовлетворения.

Мечтал Володя Баранов, как и многие парни в то время, стать летчиком. Но мы знаем, сколько судеб было исковеркано, сколько людей того поколения стали жить по другим, суровым законам. Потому что в мирную жизнь ворвалась война с ее пожарами, кровью, потерями.

Марина Емельяновна Баранова весть о нападении Германии на страну глубоко переживала:

— Фашисты проклятые, неймется им. Вот как тяжело вас, дети, поднимала, а теперь война будет подбирать. Толе, маленькому, не доведется воевать, а Володя хлебнет...

И вот пришла летом 1942 года повестка на имя Владимира Баранова. Совсем извелся парень, не зная, как ее матери показать: жалел, боялся — перенесет ли?

Тяжело, но молча восприняла мать необходимость расставания (не навсегда ли?) с сыном. А тот утешал как мог:

— Мы победим все равно. И я вернусь офицером.

Слабое утешение. Но когда поезд увез старшенького, мать стала жить надеждой, ждать писем. А приходили они скупо, общим числом шесть.

Первое написал в декабре 1942 года. Поздравил с Новым годом. О себе немного — жив, здоров, идет учеба, подготовка к фронтовым сражениям. А что не так далеко они — уже чувствовалось.

«Сейчас, с 1 января начинаем сдавать зачеты за второй период. Я вам не писал и писать буду пока редко, так как готовлюсь к зачетам и времени свободного почти нет».

И дальше об этих зачетах, пытается шутить: «Погода у нас хорошая для тактики: морозы до 40 градусов. Идет снег, ветер. Но все преодолеем. Недавно ходили в поход на трое суток. Спали в снегу. Я чуть не обморозил ноги, но спасли товарищи...

Но ничего, продолжаем упорно учиться, хотим стать командирами, чтобы добить гитлеровскую нечисть».

Из письма, написанного в феврале 1943 года: «У нас половину ребят отправили на фронт 1 февраля, в том числе и почти всех ребят из Шумихи и Ивана Агапова. Скоро, наверное, уедем из училища. Вы пока не пишите, ждите нового адреса».

В мае прилетела весточка с лаконичным обратным адресом: полевая почта 23853 «И». Это уже фронт.

И было вскоре еще одно письмо, не сохранившееся. А в памяти сестер отпечатались его несколько строк: «Завтра вступаем в бой. Это мое боевое крещение».

Потом как обрезало.

Месяца через полтора-два узнали сестры Тамара и Аза, что приехал домой долечиваться после ранения Николай Серебrenников. Они с Володей вместе призывались из Шумихи, вместе и проходили обучение перед фронтом. И вот он, бледный и слабый после госпиталя, рассказывает сестрам:

— Бежали в атаку рядом. Со стороны немцев огонь страшный. Володя вдруг упал: тяжело ранило в живот. Я на ходу окликнул его. Он не ответил. А останавливаться нельзя — шло наступление. Побежал дальше. Вернуться не пришлось. И не знаю, то ли умер он, то ли жив остался. Меня вот ранило.

Сестры не посмели об этом сказать матери. А вскоре Николай снова ушел на фронт, погиб.

Чего боялись Барановы, о чем со страхом пытались не думать, свершилось. С далекой орловской земли пришла похоронка: «...ефрейтор Баранов В. Н... проявив мужество и героизм... погиб...».

От матери страшную бумагу скрыли. Она продолжала ждать письма, ждала сына.

Окончилась война. Мать продолжала терпеливо ждать. И сестры, зараженные ее верой, тоже стали ждать. А вдруг жив, вдруг придет, ведь были случаи.

В 1976 году умерла мать, так и не догадываясь о гибели Володи...

А теперь в наш рассказ гулом и свистом турбин реактивного самолета ворвется сегодняшнее стремительное время. Ворвется потому, что сестры Тамара Назаровна (ныне Шумилова), Аза Назаровна (ныне Гуженкова) да брат Анатолий Назарович с женой Тамарой Владимировной Барановы на авиалайнере летят к месту гибели и захоронения своего брата Владимира Баранова.

Толчком к поездке стала статья в нашей районной газете «Знамя труда» журналиста из Орловской области. В ней глаза споткнулись о знакомую фамилию — Баранов. Жадно стали читать. И узнали от страшных по своей неистовости летних боях 1943 года на Орловско-Курской дуге. И о том, что среди погибших (вечная им память!) и захороненных на территории Новосильского района их брат ефрейтор Владимир Назарович Баранов.

Какую бурю чувств вызвала коротенькая статья! Это все равно что неожиданно найти близкого человека и вновь его потерять. Это вскрывшаяся вдруг застарелая рана, новое горе.

Написали журналисту. Тот, добрая душа, подробно описал, как добираться до заветного и горестного места. И вот уже мчит их самолет, везет поезд, автобус.

Маленький городок Новосиль. В военкомате документально подтвердили — да, погиб ваш брат в боях 12 июля. Посочувствовали горю. Военком Александр Дмитриевич Ларин, майор лет тридцати пяти, обьявил:

— Сам вас на машине доведу до места.

Его жена аж встрепенулась. Барановы уже знали, что после неудачного прыжка с парашютом он, бывший десантник, долго лежал в госпитале. Однако нога до сих пор доставляет ему большую боль. А ехать в таком состоянии...

Чтобы успокоить жену, он сказал:

— Поедешь с нами. Будешь нажимать на какие укажу педали.

И вот дорога. Хмурится майский день. Идет дождь со снегом. Холодно. Но шумихинцы не отрываются от окон УАЗика. Вот она, орловская многострадальная земля. Холмистая, безлесная. Изредка посадки, сады. До сих пор не заросли шрамы на ее теле: окопы, противотанковые рвы.

Особое чувство испытывают зауральцы. Здесь была смертельная выюга войны, здесь обагрена кровью земля. Здесь — История.

Позади десять километров пути. Деревенька Тростниково в десяти домах. Кладбище. Тополя, огромные сосны, молодые деревца. Три братские могилы.

С большим волнением смотрели на обелиск: один боец с фуражкой в руке стоит, склонив голову, другой — коленопреклоненный.

Место захоронения ухожено. На длинных могилах свежие цветы. Видно, чтят люди, живущие в этих местах, память о героях Великой Отечественной.

Плиты с фамилиями. Где? На второй плите справа нашли сразу 12 строчек с одной фамилией. А вот и та — Баранов В. Н.

И тотчас брызнули слезы из глаз, тяжесть неимоверная заставила склониться над дорогим именем, припасть к холодному полированному камню. Родной ты наш, как далеко ты залетел, вдали от дома сложил свою головушку...

Но оставим родных наедине с их горем, не будем тревожить священной минуты свидания и прощания. Более сорока лет назревала эта встреча.

В этих краях в июле 1943 года земля вздыбалась со стоном, колотилась как в припадке от взрывов снарядов, мин, бомб. Раскаленное железо рвало людские тела, огонь пожирал все, что могло гореть. Кровавую жатву вела война.

Сразу после ожесточенных сражений в боевой обстановке живые хоронили павших в траншеях, блиндажах, а сами шли вперед.

Позднее, когда после войны страна немного пришла в себя, в торжественной обстановке, при великом скоплении народа, под траурную торжественную музыку и залпы салютов произведено перезахоронение тех, кто отдал жизнь знойным летом 1943 года. Так появились эти три братские могилы. В них останки 850 красноармейцев. Фамилии 585 известны, 265 еще предстоит установить.

А у дорогой могилы надолго застыли в скорбном молчании Барановы. Слезы выплаканы, горькие слова сказаны, только глубокое молчание объединяет всех. На плиту с родным именем ложатся пионы, к обелиску — тюльпаны.

— Прощай, братец. Мы еще к тебе приедем.

Прощально-печально покачали тяжелыми ветвями сосны, почетным караулом выстроившиеся у могил.

Всплакнула было нависшая над головой туча, но тут же тугой ветер отогнал ее и животворные солнечные лучи заискрились в каплях влаги цветов, согрели буквы каменных плит.

Долгим ли был обратный путь шумихинцев? Спроси об этом — не вспомнят. Только везли они с Орловщины не одну печаль, но и добрую память от встречи с хорошими людьми.

Побывать в музее боевой и трудовой славы города Новосилия им не довелось. Его директор, сам фронтовик, как раз находился на операции.

Про лето 1943 года со слезами на глазах рассказала секретарь Новосильского сельсовета Тамара Васильевна Ступина. В ту пору ей было шесть лет.

— Ужасные бои шли. А про 12 июля и вспоминать страшно, самое сильное наступление было. Сплошной гул. Земля горит. Забились мы в укрытие ни живы, ни мертвы. Мать нам, шести ребятишкам, говорит: «Кажется, все, милые мои. И нам не уцелеть. Давайте оденемся в чистое перед смертью». Чушь. Да еще 21 захоронение, 21 братская могила с тысячами наших бойцов, погибших в этом аду. А немцев отогнали.

Здесь, на Орловщине все поколения помнят события минувшей войны. Те же ребятишки ведут поисковую работу, а вскоре новые имена появляются на плитах памятников.

В Доме пионеров шумихинцам показали реликвии, найденные в местах боев: остатки пулемета, каски, котелок, комсомольский билет...

Сюда со всей страны приезжают бывшие фронтовики, родные погибших. И каждый делает запись в книге гостей, оставляет сувенир. И наши зауральцы расписались, оставили в память набор открыток, книгу о Курганской области.

С добрым чувством покидали ставшую близкой орловскую землю.

Закончим на этом наш печальный и оптимистичный рассказ и вспомним слова поэта:

Кто-то встал в полный рост

И, отвесив поклон,

Принял пулю

на вздохе...

Но на запад

на запад

Ползет батальон,

Чтобы солнце взошло

на востоке...

И сегодня еще девятнадцатилетний Владимир Баранов не вышел из боя, хотя война давно закончилась. И не знает он о Победе. А мы ее встретили в сорок третий раз. Встретили потому, что он и еще двадцать с лишним миллионов погибли. Вечная им слава!

12 июля исполняется 45 лет со дня гибели Володи Баранова. И пусть этот рассказ будет данью памяти о нем, нашем земляке.

М. Лисюк.

1988 г.

БЕРЛИНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Михаил Данилович Воробьев — уроженец деревни Воробьево Шумихинского района. В Великой Отечественной войне участвовал с первого дня и до последнего. Все время на передовой. Командовал батальоном, полком, зам. командира дивизии. Участвовал в сражениях под Москвой, за Сталинград, в битве за Днепр, освобождал Одессу, Тирасполь, Варшаву, брал Берлин. Гвардии полковник в отставке.

2 февраля 1945 года части нашей 47 гвардейской стрелковой дивизии, входящей в 8 гвардейскую армию, которой командовал В. И. Чуйков, с большими трудностями форсировали реку Одер в районе города Кюстрин и захватили плацдарм, который и удерживали до начала наступления на Берлин.

16 апреля 1945 года перед рассветом началось наступление по всему фронту, командовал им маршал Советского Союза Г. К. Жуков. К этому времени на Берлинском направлении было сосредоточено 2,5 млн. солдат и офицеров, 41 тысяча орудий разного калибра, 7 тысяч самолетов, такое же количество танков, 1200 реактивных установок («катюш»). И когда началось наступление, дополнительно ко всему впервые в военной истории по инициативе Жукова были использованы в большом количестве мощные прожектора.

Когда все это оружие обрушилось на передний край противника, были направлены и прожектора, 100 миллиардов свечей осветили (ослепили) людей, находившихся в окопах. Фашисты в панике передавали открытым текстом Гитлеру: «русские применили новое оружие, от которого земля горит». Земля не горела, но шевелилась. И оружия нового не было, то же самое, которым их, немцев, и били. Но только оно было в большом количестве.

Когда наши солдаты овладели траншеями немцев, наши медики установили, что среди мертвых фашистов были трупы, которые не имели ни пулевых, ни осколочных ранений. Смерть наступила от страха. С большим трудом и с потерями личного состава достались нам Зееловские высоты. Это был самый трудный рубеж.

29 апреля 47 гвардейская дивизия форсировала Шпрее и вела бои в Берлине. Кто воевал, тот знает, что бои вести в населенных пунктах и городах очень трудно. Ну, а в таком большом городе, как Берлин, особенно.

Пример. У нас наблюдательный пункт (НП) находится на чердаке пятиэтажного дома. Напротив, через улицу, такой же дом, который занимают поэтажно: 1-2 этажи русские, а выше — немцы и так далее. Поэтому очень трудно было применять авиацию, артиллерию, танки. Расчет только на оружие ближнего боя: винтовку, автомат, пистолет, гранаты. Мне пришлось наблюдать, как завязался бой на

пятом этаже дома. Дело дошло до того, что в открытые окна наши солдаты выкидывали своих врагов. День и ночь ни на минуту не утихал бой. Дом за домом, улицу за улицей отвоевывали у немцев и продвигались вперед.

С 1 на 2 мая ночью по приказу командира корпуса готовились к решающему бою. 2 мая должны были выйти в самый центр Берлина и овладеть Трептов-парком, королевской площадью и имперской канцелярией.

К 24 часам 1 мая все было готово, но в 00.30 минут 2 мая раздался телефонный звонок. Командир дивизии полковник Семченко подошел к телефону. Командир 137 гвардейского стрелкового полка полковник И. А. Власенко докладывал, что на участке его полка перешел линию фронта немецкий полковник, назвавшийся начальником штаба оборонительных сил Берлина, с ним два офицера. Командир дивизии приказал всю группу доставить в штаб.

Доставленный полковник представился — «полковник фон Дувинг, начальник штаба 56 корпуса». Он очень волновался, вид у него был удрученный. На вопрос полковника Семченко «Сколько войск обороняет Берлин?» ответил:

— Гарнизон Берлина сформирован из частей 56 танкового корпуса, 9 армии, усилен частями, которые дислоцировались в городе. Всего войск 200 тысяч.

Он передал, что генерал Вейдлинг просит советское командование немедленно начать переговоры о перемирии:

— Наш фюрер покончил с собой, за ним последовал со своей семьей Геббельс. Судьба других соратников фюрера неизвестна. Вся надежда на Кейтеля.

Обо всем было доложено командующему 8 гвардейской армии генерал-полковнику В. И. Чуйкову и получено распоряжение: отпустить полковника к генералу Вейдлингу, а офицеров, пришедших с ним, оставить. Через полтора часа полковник Дувинг должен прийти вместе с генералом Вейдлингом.

В 3 часа ночи 2 мая первым переступил наш порог высокий худощавый старик в генеральском мундире. Вся его фигура казалась обремененной непосильной тяжестью, потухшие глаза лишь временно оживлялись болезненным блеском.

Командир дивизии предложил ему сесть. Он тяжело дышит и некоторое время остается сидеть с закрытыми глазами.

— Назовите себя, генерал,— обращается к нему наш командир дивизии полковник Семченко.

— Вейдлинг, генерал артиллерии, командир 56 танкового корпуса, с некоторых пор комендант округа обороны Берлина.

В голосе его чувствуется брюзжание кичливого старца. Генерал обращается с просьбой к нашему командиру дивизии, просит организовать ему встречу с представителями высшего командования Советской Армии.

— Я уже отдал части приказ о капитуляции. Полагаю, он будет встречен одобрительно.

— Скажите, может немецкий генерал рассчитывать на помилование?

Генерал Вейдлинг задал еще много вопросов, на которые ему отвечали командир дивизии полковник Семченко и начальник политотдела полковник Николаев. Прибыл начальник разведки 8 гвардейской армии и увез Вейдлинга в штаб к Чуйкову.

Встреча с немецким генералом очень нас взволновала. Невольно вспоминаем 1941 год. Наверное, генералу тогда даже и в голову не могла прийти такая мысль о сегодняшней миссии. Ну, а мы всегда знали, что так и будет. Только не могли представить в деталях, как оно и будет, и когда. Настоящий немецкий фашистский генерал, наделенный такой властью, и пришел с просьбой к нам, коммунистам, советским людям, которых он и за людей не считал.

Только поведение у генерала было немного странным. Он все время осматривал комнату, вертелся, будто ожидал кого-то здесь встретить. Поведение генерала объяснилось очень просто. В разговоре с нашим командующим В. И. Чуйковым генерал Вейдлинг с обидой на судьбу сказал:

— Да будет Вам известно, генерал, что полчаса тому назад ваш полковник, будто по злой иронии судьбы имел неповторимый случай допрашивать меня в моем доме, в моем личном рабочем кабинете.

Каково? Такого сюрприза судьбы и мы не ожидали.

А перед самым рассветом был получен приказ: «Гарнизон Берлина капитулировал, назначенный штурм отменяется за ненадобностью. Войскам выйти на свои направления, завершить пленение всех военнослужащих фашистской армии. Об исполнении донести». Радости и ликованию не было предела.

2 мая части фашистской армии были построены в колонны и в назначенных пунктах бросали в кучу оружие, знамена и сдавались в плен. В тот же день, 2 мая, помню, когда мы с группой офицеров и солдат проходили по Тиргартен-парку, то навстречу нам попадались не люди, а звери: газели, медвежата, слонята и даже громадный слон. Все обитатели зоопарка разбежались от страшной артиллерийской

канонады. А самый большой бегемот лежал тяжело раненный. В правом боку у него торчала неразорвавшаяся мина, было видно одно оперение.

В тот же день мы побывали в рейхстаге, оставили свою роспись на стене и в имперской канцелярии. Сфотографировались на память у рейхстага. Когда мы вышли на площадь к Бранденбургским воротам, то увидели большое скопление наших солдат и офицеров — это поэт Евгений Долматовский читал стихи. На всю жизнь запомнились слова, как бы написанные специально для нас: «Идут гвардейцы по Берлину и вспоминают Сталинград».

Особенно шумно и весело было в Трептов-парке. Здесь были воины нашей дивизии. Весело голосили гармошки, аккордеоны, под звуки которых солдаты громко пели любимые фронтовые песни и удачно плясали. К вечеру, когда мы возвращались к месту расквартирования, то ноги ломило от усталости, а голова отказывалась соображать. Столько враз пришлось увидеть, что казалось, не было еще такого дня в жизни. Он был радостным, мы остались живы. А с другой стороны видели за день и много ужасного. По всей территории, где мы побывали, лежали еще десятки, сотни трупов. Улицы все завалены кирпичами, хламом, дома еще горели. Чад и дым ели глаза. Столько было впечатлений, что ночью никто не спал.

3 мая в Берлин прибыл член ЦК КПСС Анастас Иванович Микоян. В своем выступлении он передал от ЦК партии, правительства и всего советского народа большую благодарность воинам за то, что они поставили фашистскую Германию на колени. А, во-вторых, он отдал распоряжение организовать питание немецкого населения, что было сделано. Наша дивизия должна была обеспечить питанием улицы, прилегающие к площади, Бранденбургским воротам и рейхстагу.

Сначала было мало населения. Но голод не тетка. С каждым часом, днем жители убеждались, что мы пришли не для того, чтобы сводить счеты с детьми и стариками, и прониклись к нам доверием.

А 9 мая мы уже вместе с немецким населением праздновали день Победы.

Так закончилась самая тяжелая для нашего народа Великая Отечественная война, принесшая нам великие испытания. Закончилась со славою нашего оружия. Еще раз был преподнесен урок истории фашизму и еще раз подтвердились слова великого русского полководца Александра Невского: «Кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет. На том стояла и стоять будет земля русская».

М. Воробьев. 1985 г.

КУРС КОРАБЛЯ — КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

132-му Берлинскому полку 24 июня 1945 года было представлено право представлять на параде Победы 334-ю бомбардировочную Ленинградскую Краснознаменную ордена Суворова дивизию.

Даже по этим титулам можно судить о славном боевом пути авиаторов.

Одной из головных машин дальней бомбардировочной авиации на параде был корабль в составе экипажа: командира корабля капитана Александра Добрынина, штурмана капитана Александра Мезенцева, стрелка-радиста нашего земляка Василия Гребенщикова и стрелка Давида Кишицера. Более двухсот боевых вылетов на бомбометание на различные военные объекты и с целью разведки и фотографирования сделал экипаж за годы войны.

Вспоминая дни войны, боевые вылеты на задания, гвардии старшина в запасе Василий Афанасьевич Гребенщиков рассказывает:

— Много нам приходилось летать. Я и сейчас отлично знаю географию Белоруссии, Польши. Нашему кораблю, где командиром был заместитель командира эскадрильи Александр Добрынин, часто поручали ответственные задания.

Полк вылетает на бомбежку, а нам вместо бомб устанавливают фотоаппараты, и мы идем искать скопления войск противника на крупных узловых станциях, полустанках. Штурман Саша Мезенцев вместо боевого прицела нажимает кнопки аппарата, я все время держу руку на ключе и передаю данные своему командованию, а оттуда без задержки они поступают в Ставку. Мы еще не возвратимся на свой аэродром, а на разведанные нами объекты летят эскадрильи и полки бомбардировщиков.

Случалось и такое. Нелетная погода. Облака низко стелются над землей. Бомбометание вести нельзя. Но мы летим в облаках. Над предполагаемым скоплением войск противника снижаемся до ста метров и делаем визуальную съемку. Иной раз эти вылеты чуть не кончались трагически.

Жарко пришлось у Пилаи. Здесь, в Латвии, была окружена крупная группировка гитлеровских войск, прижатая к Балтийскому морю. Она отчаянно сопротивлялась. Фашисты начали вывозить живую силу и технику на кораблях. И вот подразделения дальней бомбардировочной авиации получили задание разбить остатки противника. Сильная береговая зенитная оборона подкреплялась огнем кораблей.

Рано утром, когда только на востоке поднималось солнце, в лучах его с моря появились краснозвездные бомбардировщики. Солнце ме-

шало гитлеровцам вести прицельный огонь. И, пользуясь этим, советские летчики бомбили причалы, топили корабли и транспорт.

И вот последний этап войны. Весна 1945 года. Боевые бомбардировщики ТУ-2 334-й бомбардировочной Ленинградской Краснознаменной ордена Суворова дивизии расположились на аэродроме в польском городе Познани. Боевой курс был постоянный — Берлин. Василию Афанасьевичу вместе с боевыми друзьями не раз приходилось разгружать свою машину над Трептов-парком. Вылеты продолжались до 28 апреля. В этот день все корабли были вновь готовы к выполнению задания. Экипажи находились на местах. Ждали стартовой зеленой ракеты, чтобы подняться в небо. Но... ракета была выпущена красная. А это значило — отбой вылету.

На этом и закончилась война на западе для В. А. Гребенщикова и его товарищей. 132-й Берлинский полк был переброшен в подмосковный город Раменское. Начались тренировки к параду Победы. 24 июня 1945 года штурман Александр Мезенцев проложил на карте самый знаменательный в жизни экипажа курс: Раменское — Красная площадь.

Сегодня участник парада Победы и двух войн, кавалер боевых орденов и медалей Василий Афанасьевич Гребенщиков живет в Шумихе и работает в Межрайгазе.

А. Моторин.
1975 г.

Старший лейтенант Иван Никитич Кочкин
с бойцом своего подразделения.
Фото 1945 года.

СОПРОТИВЛЕНИЕ

Владимир Николаевич Корольков в Шумихе живет уже многие годы, но не меркнут в его памяти события более чем 40-летней давности, что произошли на смоленской земле. Оттуда он родом, там ему подростком пришлось многое пережить. Ведь когда началась война, Королькову не исполнилось девяти лет...

Как громом поразило — война. В нашей деревне Кеново Руднянского района Смоленской области враз все переменялось. Люди проклинали фашистов, напавших на нашу землю, готовились дать отпор врагу. Мужчины ушли в армию. Срочно скомплектованная бригада погнала скот вглубь страны, чтобы не достался оккупантам.

С середины июля 1941 года через деревню шли и шли наши отступающие войска. У каждого колодца стояли бочки или большие судки, которые в основном мы, дети, наполняли, чтобы бойцы могли набрать воды во фляжки.

Но вот и нашу местность оккупировали гитлеровцы. В маленьких деревнях их гарнизоны не стояли, а находились лишь полицейские участки. В полиции служили бывшие кулаки, уголовники, дезертиры и прочий сброд.

Но ширилось и партизанское движение. В густом лесу между деревнями Шарино и Марково стоял отряд народных мстителей. В нем с июля 1941 года сражался и наш отец.

Мы с матерью ходили к бабушке в Шарино. Меня она брала с собой для отвода глаз: вот ведет, мол, киндера на лечение к бабушке. И полицаи, немцы нас пропускали. А в дом к бабушке, как я потом узнал, приходили поздно вечером партизаны. Им мать рассказывала все, что видела, узнала. Партизаны просили быть поглазастей и еще приносить сведений о немцах и полициях.

Партизанский отряд много хлопот доставлял фашистам постоянными налетами. Зимой 10 февраля 1942 года народные мстители устроили на одной из дорог засаду, в которую попал немецкий обоз. Партизаны разгромили сопровождавший его гитлеровский отряд. В этом бою был убит высокий фашистский чин, чуть ли не генерал.

И немцы озлобились. На следующий день большой карательный отряд нагрязнул в Шарино. Была учинена кровавая расправа над мирными жителями.

Фашисты согнали женщин, детей и стариков в самый большой дом деревни. Это был дом нашей бабушки. Закрыв двери, солдаты стали досками заколачивать окна. Люди почуяли неладное, забеспокоились. Заплакали дети.

Вдруг распахнулась дверь. Стало видно стоявший перед ней пулемет и несколько фашистов с автоматами наизготовку. Один из них крикнул:

— Матка, комм!

Вышла наша тетья — Настя. На печи осталась ее малолетняя дочь.

Дверь захлопнулась, а через минут-две ударил выстрел.

Дверь снова распахнулась. На полу лежала убитая тетья Настя.

Люди, набившиеся в комнаты, стали кричать, прощаться друг с другом. А немцы с порога в упор стали расстреливать женщин, детей, стариков. Обливаясь кровью, убитые, раненые падали друг на друга. Очереди гремели, пули рвали живые и уже бездыханные тела...

Фашисты захлопнули дверь и подожгли дом. Огонь бушевал, комнаты наполнились дымом. Оставшиеся в живых, некоторые раненые, стали ломиться в окна, но те наглухо забиты досками — не вырвешься.

Наша бабушка вспомнила, что окно, выходящее в сторону леса, снаружи еще с осени закрыто соломенным матом, деревянным щитом, и немцы его не заколотили. Она перебралась через тела убитых к окну, выбила его и выскочила. За ней выбрались те, кто остался жив, среди них две наши тети — Аня и Феня.

Пламя ревело, стлался густой дым. Это помогло беглецам в первые минуты. Они упали в палисаднике и притаились.

А бабушка побежала в сторону леса, до которого было метров сто. Гитлеровцы открыли по ней огонь. Метрах в десяти от спасительных деревьев пуля сразила бабушку.

Немцы тем временем пошли проверить, каким путем люди вырвались из горящего дома. И тут они наткнулись на лежащих без движения женщин. Стали их расстреливать. Тете Ане пуля пробила шею, раздробила левую кисть. Изрешетили фашисты и тело тети Фени.

Посчитав, что в живых не осталось ни одного человека, каратели покинули деревню.

В этот день поздно вечером партизаны подобрали оставшихся в живых тетю Аню и Феню.

Двое суток пробыли они в партизанской землянке, а на третьи сутки ночью их привезли к нам в Кеново. Мы увидели, как на носилках занесли стонущую тетю Феню. С подвязанной рукой (ей ампутировали кисть) вошла тетья Аня.

Партизаны посоветовали маме, чтобы мы соседям и знакомым говорили, мол, сестры ходили на станцию за солью. Там они попали в перестрелку и их ранило. А привез их незнакомый человек.

Да, в то время многого приходилось опасаться. На оккупированной территории был издан приказ за связь с партизанами расстреливать. А наши тети были из той деревни, жителей которой уничтожили каратели за связь с партизанами.

Много позднее, будучи взрослым, я узнал, что в нашей Смоленской области лютвал оперативный отряд СД во главе с генералом-

эсэсовцем Науманом. Только за месяц с 15 ноября по 15 декабря в Смоленске им были уничтожены 2954 человека, а во всем тыловом районе группы армий «Центр» — свыше 134 тысяч человек. В их числе и жители деревни Шарино.

Не выжила, умерла от ран наша совсем еще молоденькая тетя Феня (она только-только окончила 9 классов). Тетя Аня выздоровела.

Но никакая жестокость, бесчеловечность не могли ослабить дух партизан, волю к победе, надежду населения на избавление от коричневой чумы. Партизаны все смелее совершали налеты на отряды фашистов, громили полицейские участки.

Однажды под вечер в нашу деревню на подводах подъехали партизаны. Одного из них, Николая Бендо, я узнал сразу. (Он и поныне здравствует, живет в городе Рудня Смоленской области). Николай попросил нас с дружкой Аркадием пройтись по деревне и посмотреть, нет ли фашистов или полицеев.

Мы бросились выполнять эту просьбу. Врагов на этот раз не было.

Мы, подростки военных лет, как на героев смотрели на народных мстителей, рассказывали друг другу об их подвигах, сами мечтали стать партизанами. И даже однажды убежали в лес, чтобы попасть в партизанский отряд. Искали, искали, пока не наткнулись на лесной дозор. В нем оказался знакомый нам Давыд Солдатенков. Он тоже узнал нас и посоветовал строго:

— Идите-ка вы, ребята, домой. Рано вам еще партизанить.

В сентябре 1943 года наши войска стали теснить фашистов. Уже освобожден Смоленск. Ждем и мы освобождения своей местности. Но немцы погнали нас на запад. Кому удавалось бежать, скрывались в лесу.

Уже слышна все приближающаяся канонада. Наша семья уже несколько дней прячется в кустарнике. Нет ни воды, ни пищи. По дорогам идут отступающие фашистские войска.

Ночью на нас наткнулись разведчики нашей наступающей армии. Они поделились сухарями и обрадовали:

— Утром идем в наступление. Ждите.

Сентябрьский рассвет. Видим в панике и беспорядке отступающих немцев. Началась канонада, беспрерывная стрельба. Всюду рвутся снаряды. Вот загремело долгожданное мощное:

— Ура-а-а!

Мы не выдержали. Под огнем, среди взрывов, перепрыгивая через трупы, минуя воронки, бежим навстречу нашим наступающим бойцам.

В. Корольков
г. Шумиха. 1986 г.

ПОБЕДУ КОВАЛИ В ТЫЛУ

Более 1400 дней и ночей мы, тыловики, очень ждали победы над фашистской чумой. Время было трудное не только в материальном, но и в моральном плане. Ведь все мужчины ушли из родных домов на фронт, на защиту нашей Родины, и нам приходилось быть и рабочими, и грузчиками, выполняя мужскую работу.

На хрупкие женские и детские плечи легла вся тяжесть забот по дому и на производстве. Работая в «Заготзерне», грузили в вагоны по трапу стокилограммовые мешки: тогда ведь не было тары в 50 килограммов. Идешь, бывало, по этому трапу и от тяжести срываешься на землю. Ушибались, но вставали и продолжали грузить. Зато когда попадали на склад с зерном, то досыта набивали свои голодные желудки. А жизнь была тогда далеко не сытой. Хлеба по карточкам отпускали по 400 граммов. Жиры водились только на рынке у спекулянтов. О мясе и думать забыли.

Вот когда мне удалось устроиться на работу в 8-ю дистанцию пути, то стало в материальном отношении жить немного легче. Работа там тяжелая, однако хлеба уже получали по 600 граммов, к тому же имелась столовая, где из выращенных нами же самими овощей готовились горячие обеды. Днем занимались своими основными делами, а вечерами зимой участвовали в снегоборьбе, летом поднимали пути вплоть до станции Козырево.

Конечно, находили немного времени и на отдых. У нас был организован хор, и мы выступали перед рабочими.

А сколько было молодых мальчишек лет по 16-17. Так они хорошо работали, что нам, женщинам, просто в радость было смотреть на их энтузиазм. Внимательно следили за известиями с фронта, которые передавались по радио. Вечером с нетерпением ждали выступления Левитана. Если хорошие вести, то все от мала до велика ликовали, а коли плохие — то сообщали и плакали.

Да, жили дружно. Не водились среди нас подлецы. Делились последним со своим ближним. В тесноте жили, да не в обиде. У меня в однокомнатной квартире с кухней определялись на постой эвакуированные, люди разных национальностей: евреи, эстонцы, русские. Спали кто где мог — на печке, на полу, на сундуке... Вечерами зажигали фитилек — веревочку у бутылочки с керосином и радовались даже такому освещению.

При таких трудностях мы не роптали и не ныли, а как могли друг друга поддерживали. А когда наступил День Победы и торжественный

голос Левитана известил о конце страшной войны, мы все стали обниматься, целоваться. Кто плясал, кто пел.

Одна моя приятельница, Вера Рогозина, тоже фронтовичка, написала такие строки: «Как нас ни кружило, ни ломало, но на свете мы все-таки есть. Правда, нас осталось мало по сравнению с той силой, что когда-то встала на защиту Отечества...» Ушла и Вера из жизни, царство ей небесное, а мы пока живем и вспоминаем то грозное время.

А. Ускова, ветеран труда.
1995 г.

Командир отделения 3 танкового корпуса Николай Газизович Калимулин (отмечен крестиком) с боевыми друзьями. Март 1945 года, г. Млава.

БЫЛ ГОСПИТАЛЬ В ШУМИХЕ ПОМОГАЛИ ВСТАТЬ В СТРОЙ

С Шумихой у меня связано очень многое: здесь я отработала весь свой трудовой период, здесь пошла на пенсию.

В мирное время мне пришлось работать в призывных комиссиях, проверять здоровье уходящих служить в армию. С началом же войны я была направлена в военный госпиталь, который организовался в Шумихе на второй месяц боевых действий. Он разместился за городом, в каменном здании (сейчас там швейная фабрика). Одновременно мог принять 250 раненых.

Мы взялись готовить госпиталь: оборудовали, обставляли. Твердый и мягкий инвентарь мы получили. А вот чтобы создать комфорт, уют, тут нам сильно помогли учреждения Шумихи — в виде даров.

Медперсонал, особенно младший и средний, мы частично набирали из вольнонаемных, частично мобилизовали. Стали работать у нас и эвакуированные медсестры. Несмотря на это, медперсонал не пришлось обучать уходу за ранеными: все были переполнены чувством внимания и заботы.

Госпиталь возглавляла врач из местных Анастасия Афанасьевна Корицова, а я была помощником по медицинской части.

Вскоре к нам стали поступать раненые. Конечно, в глубокий тыл посылали тяжело раненных, которые нуждались в длительном лечении. Первичную обработку мы проводили в санпропускнике. Он разместился в железнодорожной бане. Там же организовали перевязочную, так как сразу после обработки меняли и перевязки. Затем раненых отправляли в госпиталь, где их ожидали горячий калорийный обед и чистая постель.

Раненых в госпитале часто посещали гости: взрослые, школьники, самодеятельные артисты. В общем, все как могли старались помочь им быстрее выздороветь, встать в строй защитников Родины.

Из раненых у нас умер только один, Борис Фридман, молодой красивый паренек. Его похоронили на кладбище, которое находилось за линией железной дороги. Выздоровливающих отправляли на сборный пункт в Челябинской области, инвалидов и непригодных к военной службе — домой.

Просуществовал госпиталь около полутора лет, и мы получили новый приказ. Раненых отправили в Мишкинский госпиталь. А вскоре к нам стали прибывать уже раненые — военнопленные.

Так мы стали выполнять другое задание.

Е. Федина.

Московская область, Одинцово-6.

МИЛОСЕРДИЕ

В годы войны, неизгладимые в памяти, мне довелось работать в эвакогоспитале, даже сейчас помню его номер 3757, который находился на окраине Шумихи. Видимо, многие шумихинцы старшего поколения помнят его. У нас лечились раненые бойцы с фронта.

Однако прошло немного времени и госпиталь получил неожиданное для нас назначение, стал госпиталем для военнопленных: немцев, румын, венгров, итальянцев.

Мы, работники госпиталя, оказались в сложном положении. К тому времени война была уже в полном разгаре, шли ожесточенные бои по всему фронту, и у многих сотрудников госпиталя уже погибли близкие люди: сыновья, мужья, отцы, дочери. Очень трудно было настроиться на лечение врагов и уход за ними. Но мы — люди самой гуманной профессии, поэтому выполняли свой долг как положено.

А работы было много. Заведовала эвакогоспиталем врач Анастасия Афанасьевна Кобытова. Глядя на нее, мы задавали друг другу вопрос: когда она отдыхает? Все мы знали, что на фронте у нее погибли близкие люди. И вот теперь те, кто искалечил всем нам жизнь, были в глубоком тылу, в госпитале 3757. Смотрели они на русских женщин страдающими глазами и ждали помощи. И они ее получали.

Анастасия Афанасьевна научила и нас, молодых, быть гуманными, добросовестно выполнять свои обязанности, любить труд, вежливо относиться к раненым.

Дел у нас было, что называется, предостаточно, в том числе и хозяйственных. Наша заведующая устроила огород около здания, и мы регулярно снимали хороший урожай капусты, помидоров, огурцов, картофеля, моркови. В условиях военного времени это было хорошим подспорьем в рационе медперсонала и, конечно, раненых. Для последних держали даже несколько коров...

Так мы и жили, ожидая известий с фронта, в душе, может быть, ненавидя наших пациентов, но выполняя свой долг.

Когда я думаю, в чем сила нашего народа, почему именно мы сломали хребет фашизму, то в числе других качеств называю душевную щедрость, важная часть которой — милосердие.

Ну, а День Победы стал праздником для всех: и для медицинского персонала госпиталя, и для его пациентов. Все радовались окончанию войны, хотя, понятно, по-разному: к нашим чувствам примешивалась скорбь по погибшим.

Выздоровевших стали отправлять из госпиталя на родину. Многие из них выучили русский язык и хорошо говорили на нем. И прощались с нами бывшие враги по-человечески, со слезами на глазах.

Е. Медведева, бывшая медработница эвакогоспиталя 3757.

Красноярский край, п. Березовка.

Первые месяцы Великой Отечественной войны. В бывшем здании военного городка на северной окраине поселка, за озером Куртабыз, основался эвакогоспиталь № 3757.

Учащиеся школ Шумихи часто посещали раненых бойцов с самодеятельными концертами, брали с собой любовно вышитые кисеты, иногда набитые махоркой. Чаще всех возглавляла группу юных артистов молодая, симпатичная преподавательница немецкого языка Фаня Абрамовна.

Нам было радостно видеть выздоравливающих молодых ребят, после лечения возвращающихся на фронт.

Но что это?.. По улице Почтовой (ныне улица Кирова) бредет кучка изможденных молодых женщин в сопровождении пожилого красноармейца в обмотках с трехлинейкой на плече. Добрались до перекрестка с улицы Комиссарской (Островского), присели отдохнуть у плотного забора Агаповых под палящими лучами июньского солнца. Пленные!

Проходящие шумихинцы жалели итальянок, француженок, румынок, мадярок, оказавшихся так далеко от своей родины. Сердобольные бросят в эту кучку женщин хлебную корочку, она тут же исчезнет в чьем-либо рту...

Это были женщины, «обслуживавшие» немецкие войска после боев. Вскоре их перевели куда-то на север.

Стали поступать раненые пленные солдаты из европейских стран, оккупированных Германией.

Помню, пленных всегда выгружали в тупике у пакгауза, около территории элеватора по улице Ленина. Он сейчас сохранился. Обычно путь от станции до госпиталя проходил по улице Водопроводной, теперь улица Гагарина.

Особенно запомнились разговорчивые итальянцы, игравшие на губных гармониках песенки Апеннинского полуострова. Мы выменивали у них вынутые из петлиц мундиров латунные пятиконечные звездочки.

В последние годы войны привозили только немцев. Они изготовляли из дерева поделки и меняли их на пищу.

В госпитале работала врачом-терапевтом мать Эдика (фамилия забылась), сидевшего со мной на одной парте. Они были эвакуированы из Смоленска. Помню, зимой со мной произошел печальный случай. Отец на фронте, мать от непосильной работы слегла. Я дошел до дистрофии. И вот Эдик говорит: «Завтра пойдешь в школу, заходи к нам...»

Утром, через озеро Копанец, зашёл к ним на квартиру по улице Олохова.

На столе ломтики хлеба, жидко намазанные маслом. Почти не жуя, глотал я бутерброды. Целую неделю, пока мама болела, я был «на довольствии». Спасибо этой еврейской семье!

В госпитале выходила стенная газета. Шло идеологическое перевоспитание немецких офицеров и солдат. Многие из них переменили свою точку зрения, не стали фанатично поклоняться фашистскому маньяку.

Когда закончилась война, пленные также радовались вместе с лечащими врачами и сестрами милосердия.

Почти всю войну госпиталь возглавляла капитан медицинской службы Анастасия Афанасьевна Корытова. Позднее она работала заведующей райздравотделом Шумихинского райисполкома.

Наше поколение перенесло непомерную тяжесть всемирной войны и желает вам, молодым, никогда не видеть страшного лица войны, не получать треугольников с номерами полевой почты и похоронков.

Н. Бабилов.

г. Шумиха. 1986 г.

ТОГДА РАНО ВЗРОСЛЕЛИ

Буквально на второй день войны началась мобилизация на фронт сразу многих возрастов. Основная тяжесть сельскохозяйственных работ в тылу легла на плечи женщин, стариков и наши — 13-14-летних подростков.

В нашей деревне Сажино в то время было более 50 подростков. И вот сразу после окончания школы в 1941 году мы принимали активное участие сначала в заготовке кормов, а осенью в уборке урожая. Косили на лобогрейках, на самосбросах — такая была техника. Пшеницу собирали в снопы, кучи, свозили в скирды, а глубокой осенью и всю зиму молотили днем и ночью на молотилках с конным приводом. Отправляли на элеватор красные обозы с транспарантами «Хлеб для фронта!», «Хлеб от колхоза имени Буденного» — так назывался тогда наш колхоз.

Обозы собирались по 20-30 конных подвод и отправлялись обычно в ночь. Бывало, у элеватора скапливалась не одна сотня подвод, и порой только заплотень успевали сдать хлеб.

Меня в начале 1942 года направили учиться на курсы трактористов при Птичанской МТС. В нашей группе было немало и девушек. Хорошо помню Феклу Петрову, Зину Акимову из Чирков, Нину Заболотневу, Зину Николаеву и Надю Кириллову из Петухов, Наташу Першукову, Аню Голубкову из Сажино.

В апреле нам вручили удостоверения трактористов второй категории. Сколько было радости, когда при распределении техники получил я колесный трактор СХТЗ.

И сколько потом было слез. У тракторов этих марок требовалась частая перетяжка шатунных подшипников. Делали ее обычно взрослые, делали по своим силам. А нам, подросткам, когда заглохнет двигатель, никакими усилиями не повернуть вал.

Заводили рукояткой вручную. Если же другой раз, случалось, пересосешь керосину или зажигание стоит ранее — рукоятка ударит в обратную сторону, ударит по рукам, по зубам. Вот тут-то и наплачешься досыта.

Работать приходилось иногда по двое суток подряд. Это если случалась поломка. Днем ремонтируешь, и ночью при свете костра продолжаешь ремонт, а утром заступаешь на смену на сутки.

В 1943 году мне доверили гусеничный газогенераторный трактор. Эта машина работала на древесной чурке. Чурки готовились из сырой древесины, от нее только пар вместо полезной смеси. Поэтому такая мощная машина ходила всего с одним плугом в пять корпусов. Не работа, а мученье одно.

Вскоре мне поручили обучать езде на СХТЗ новое пополнение из девушек. Очень запомнился такой случай. Это было весной 1943 года. В урочище «Чесноковка» распахивали небольшие пустоши. Там стояли стога прошлогоднего сена.

Первую борозду провел я сам. Еще раз показал девчатам, как и что делать. Спросил, все ли понятно. Кивают головами.

Усадил за руль Машу Кожевникову. На площадке были еще трое: Саша Пожиленкова, Зина Кожевникова и еще одна девушка, фамилию забыл. Сам слез и, чтобы не мешать, ушел в лес.

Круг проехали. Хорошо. На второй пошли.

И вдруг слышу крик, рев.

Я к ним бегом. С другой стороны бежит помощник бригадира Югов дядя Гриша.

Но не успели мы добежать, как трактор уперся в стог сена и заглох. Трактористки сидят на площадке и уливаются слезами. Не смогли справиться с управлением, объехали стожок, вот и заголосили.

Трактор не заведешь, потому что рукоятка притиснута к сену. Пришлось другим трактором оттягивать назад. И смех, и горе.

Но все-таки, несмотря на подобные случаи, молодежь самоотверженно работала, своим трудом приближая разгром врага. И она пришла, эта долгожданная Победа. О ней я узнал в поле.

Наш колхоз был небольшой, техники мало: два колесных СХТЗ да один газогенераторный СГ-65. Тракторная бригада состояла из шести трактористов и бригадира. Вот на этом СГ-65 меня с напарником Алексеем Царевым направили в колхоз «Калиновка», что в девяти километрах от Птичь. Председателем этого небольшого хозяйства был фронтовик Антон Иванович Иванов.

В этом колхозе мой газогенераторный трактор отличился. Вначале он тянул один пятикорпусный плуг, а потом прицепили еще трехкорпусный. И тянул — лучше некуда. Дело в том, что все хозяйственные пристройки, конюшни разобрали, распилили на чурочки для нашего трактора. Дерево было сухое, хорошо горело, трактор работал отлично.

Про Победу мы узнали уже 10 мая. Утром как обычно готовились к выходу в поле, стояли на полевом стане недалеко от деревни.

Слышим, что-то не по-доброму гремит-грохочет колесами по дороге ходок. А это гонит что есть мочи председатель колхоза Антон Иванович Иванов. Стоя на ногах в коробке, нахлестывает лошадь.

Вначале у нас закралась мысль, что уж не беда ли какая случилась, не горит ли деревня. Но он еще не доехал, а мы уже сквозь грохот колес отчетливо услышали радостное:

— Ура! Победа! Победа над фашистскими гадами. Наше дело правое, мы победили!

Антон Иванович кричал сквозь слезы радости и мчал к нам.

Что тут поднялось! Друг друга обнимали, целовали, плакали, смеялись. А дед Лаврентий Петрович — бригадный сторож — по такому случаю даже выстрелил из берданки, истратив свой единственный патрон.

После этой радостной кутерьмы был проведен митинг. Мы все дали твердое слово в честь победы выполнить полторы нормы. И слово свое сдержали.

Дня через два приехали к нам директор МТС Ф. Ф. Семенов и политработник Калугин. Они поздравили нашу бригаду с успехом. А Филипп Филиппович, пожав мне руку, сказал:

— Ну, Горшков, пошло я, знать-то, твоего бывшего учителя к тебе учиться, как надо работать на СГ-65.

А после посевной директор приказал мне принять «командование» над тракторной бригадой.

Так мы быстро выросли в военные годы.

Н. Горшков, механизатор.

д. Сажино. 1980 г.

НЕТ, МУЗЫ НЕ МОЛЧАЛИ

И с началом войны в клубе железнодорожников Шумихи не прекращалась работа самодеятельности. Ушли на фронт мужья, братья, сестры, а женский хор, руководимый Матреной Тимофеевной Гладышевой, неизменно исполнял песни различной тематики.

Со дня прибытия в Шумиху эвакогоспиталя учащиеся школ рабочего поселка постоянно посещали раненых бойцов с концертами. В пропитанных хлороформом палатах на кроватях перебинтованные лежали, сидели молодые солдаты Красной Армии, первыми заслушившие своими телами Родину.

Я хорошо помню своих однокашников, двенадцатилетних Леву Орехова и Асю Васильеву, исполнявших «Комарика», Митю Булкова, вдохновенно декламировавшего «Бородино». Хор учащихся школы № 1 в клубе исполнял «Марш энтузиастов» И. Дунаевского, запевала Зина Сухарева (З. С. Чирухина).

Никак из памяти не выходит Борис Фридман. Раненый боец находился в госпитале на излечении. Чуть поправившись, пел песни, выходя на сцену на костылях, без ноги выше колена. Его родственники находились на оккупированной территории, ехать не к кому, и Борис остался работать в госпитале. Позднее он скончался на операционном столе во время очередной операции.

Приезжал в Шумиху известный певец, солист Всесоюзного радио Петр Киричек.

Но истинным счастьем для нас была встреча с профессиональным театром музыкальной комедии, который в 1944 году целых два месяца находился у нас на гастролях. Репертуар театра был довольно широк: «Сильва» («Княгиня Чардаш»), «Марица», «Баядера» И. Кальмана, «Роз-Мари» Фримля и Г. Стадгардта, «Коломба» Рябова, «Холопка» Н. С. Стрельникова, «Свадьба в Малиновке» Б. Александрова, «Ярмарка невест» Якобсона.

В июне в переполненном зале из оркестровой ямы полились звуки скрипки, исполнялась увертюра к спектаклю. Чардаш потряс нас до глубины души. Зрители «... в рвани и вшах...» слушали выходную арию Сильвы в исполнении Галины Юрченко.

После триумфа премьеры все спектакли, по воскресеньям два, шли при полном аншлаге.

Труппа прибыла в количестве 17 человек с прекрасным реквизитом. Не хватало музыкантов. Приглашали из числа эвакуированных евреев. Амплу главных исполнителей: Любовник — Днепровский, простак — Т. Розен-Рейн, комик — А. З. Миланов, прима-балерина —

Дина Екимова. Очень впечатляюще она танцевала «Черную пантеру» в «Роз-Мари».

После трудного рабочего дня уставшие, полуголодные все стремились попасть на оперетту. Какой мы получали заряд от великой силы искусства!

В первых числах августа состоялся прощальный концерт. Плакали, прощаясь с любимыми артистами.

Несомненно, театр оставил у нашего поколения неизгладимое впечатление на всю жизнь. Коллектив несколько лет работал в Кургане, размещаясь в доме декабриста Розена по ул. Советской (сейчас здесь расположена школа искусств № 2).

Уехали из Шумихи профессионалы. Осталась самодеятельность. Хор по-прежнему пел свои песни. Исполнением русских народных песен славилась Нина Рогозина, эстрадных — Галина Клеменс. Танцевальная пара Раиса Суворова (Р. П. Сысоева) и Михаил Пресняков отлично исполняли «Вальс-чететку». Рая неплохо пела, исполняла цыганские пляски.

И вот в зале зазвучал необыкновенной красоты и широты голос Клавдии Растягаевой. Ее «открыла» Матрена Тимофеевна. Дочь путевого рабочего станции, Клава стремительно завоевала успех. Высокая, статная, она просто зачаровывала зрителей исполнением русских песен.

Как всегда зал переполнен. Присутствуют военные, пришедшие на концерт с находящегося на станции эшелона. Закончилась песня из репертуара Лидии Руслановой. В зале поднимается полковник, снимает с руки часы и надевает их Клаве. Такой была благодарность за доставленное удовольствие.

Разгромлена фашистская Германия. Войска перебрасываются на восток. Строительный батальон подполковника Горенчикова оставили на станции Шумиха. Началось строительство восточного парка.

В подразделении находились прекрасные музыканты, большинство из города Черкассы. Джаз и духовой оркестр вперемешку играли на танцах до поздней ночи. Ребята из военных пополнили ряды сугубо женского хора мужскими голосами.

Мы познакомились с ребятами из музвзвода. Подружились с первым трубачом Костей Степаненко; ударником в джазе, баритонистом в духовом Анатолием Назаренко; гитаристом, прекрасно играющим на банджо Борисом Кочневым. Он был очень одаренный музыкант. Прослушав передачу по радио (в то время магнитофонов не было), моментально брал мелодию на гитару, и на следующий вечер она уже звучала в исполнении джаза. Отменно Борис и импровизировал.

Из военных солистов, оставшихся в Шумихе, был замечен Анатолий Бибик.

Декабрь 1945. Заключительный концерт смотра художественной самодеятельности Южно-Уральской железной дороги в городе Челябинске, в драмтеатре им. Цвиллинга. В зале яблоку негде упасть. Трансляция по радио на весь Челябинск.

Хор станции Шумиха занял призовое место за исполнение «Песни о Днепре» М. Фрадкина с мощными мужскими голосами в сопровождении оркестра. Блеснула талантом и Клавдия Растягаева.

После концерта уже собиравшись уходить в свой вагон, как вдруг вбегает на сцену взерошенный пожилой человек и спрашивает:

— Кто играл соло на трубе?

Ему показывают на Костю. А он, небольшого роста, с толстыми губами, белесый, в штатском не по росту костюме, укладывал трофейную томпаковую, из Брно, трубу в футляр.

— Неужели это ты смог сыграть? Не каждому профессионалу полезна эта вещь!

И он обнял смущенного Константина.

Позднее мы узнали, что это был эвакуированный из Ленинграда профессиональный музыкант.

К. Степаненко сейчас военный дирижер.

После концерта Клаву пригласили в хор Челябинского тракторного завода, где она уже в качестве солистки выступала на первом Всемирном фестивале молодежи и студентов в Праге.

Так закончился военный 1945-й для самодеятельных артистов Шумихи.

Н. Бабилов.

г. Шумиха. 1985 г.

МАЛЬЧИШКИ ИЗ ВОЙНЫ

Много лет нас отделяет от первого Дня Победы советского народа над фашистской Германией. Многое изменилось за это время. Но очень часто вспоминаются те далекие военные годы, особенно когда смотришь фильмы о войне. Видишь на экране мальчишек и девчонок, что стоят у станков. Они выпускают одну продукцию, военную: оружие всех видов и калибров. И видишь лозунги «Не выполнил норму — не уходи с рабочего места!», «Все для фронта, все для победы!»

Мне помнятся годы 1943-1945. Все взрослое население — наши деды, отцы, старшие братья — ушли защищать Родину. Их рабочие места на заводах, фабриках, в сельском хозяйстве заняли их дети — подростки. Мы, 13-15-летние шумихинские мальчишки, тоже выпускали продукцию немаловажную, нужную для фронта: солдатские котелки с саперные лопатки. Без них не обходится ни один наш солдат.

Мастерская располагалась в двух маленьких домиках в конце нынешней улицы Гагарина.

Посмотришь на солдатский котелок: ну что в нем сложного? А вот для нас, мальчишек, технологический процесс его изготовления был очень длинным. Нам завозилась листовая сталь или, как ее еще называют, кровельное черное железо. И начиналась операция с разметки, раскроя заготовок. После этого все заготовки протравливали в кислоте, промывали чистой водой, потом лудили. Из заготовок котелок собирался и красился. Приклеивалась этикетка с обозначением нашего предприятия «Артель объединенного труда».

Коллектив наш был весьма молод, все несовершеннолетние, но каждый чувствовал большую ответственность за выполнение своей операции. Конечно, времени прошло немало, поэтому всех, работавших в то время на Победу, я уже не помню, но основной костяк могу назвать. Бригадиром в то время был Михаил Федорович Агапов, рядовыми жестянщиками Виктор Лукин, Михаил Водяников, Михаил Крохалев, Валентин Тихонов и ряд других. Всех нас было около тридцати человек.

Но вот окончилась война, конца которой ждали народы не только нашей страны, но и всей планеты. Наша мастерская перешла на мирную продукцию. Мы получали противогазы, из коробок которых стали выпускать заправочные воронки для сельскохозяйственных машин. Мирную продукцию от нас принимал «Сельхозснаб». Обслуживали мы и население: ремонтировали ведра, тазы, корыта и другие изделия, столь нужные в хозяйстве.

За эти годы жизнь всех раскидала. Ныне механиком элеватора трудится Василий Семенович Кожевников, выполнявший тогда самую ответственную операцию по лужению жести. В настоящее время продолжают работать жестянщиками «мальчишки из войны»: Михаил Водяников на заводе подшипниковых иглороликов и Михаил Крохалев — на элеваторе.

Нам воевать из-за молодости лет не довелось, но мы горды тем, что сделанные нашими руками котелки и саперные лопатки помогали нашим солдатам на фронте. Мы горды тем, что своим трудом приближали День Победы.

В. Ермолаев, мастер производственного обучения школы № 4.

1985 г.

Таковыми молодыми они остались в нашей памяти!
Александр Степанович Усольцев (в центре) погиб на фронте в 1944 году.

ВСПОМИНАЕТСЯ...

В районной газете «Знамя труда» была помещена заметка из местной газеты за 1942 год под заголовком «Помощь фронту». В ней рассказывалось о семикласснице Галкинской средней школы Афанасии Леготиной, которая в далеком, грозном и тяжелом 1942 году работала наравне со взрослыми, вносила свой вклад в общее дело борьбы с фашизмом. Афанасия Прокопьевна, ныне Леонова, откликнулась на эту заметку в газете.

Теперь, когда я уже нахожусь на заслуженном отдыхе, радостно сознавать, что не забыт скромный труд тринадцатилетней семиклассницы в те тяжелые военные годы. Об этом рассказала заметка в районной газете.

Вспоминается, как вместе со взрослыми работали на сенокосе. Приходилось ночевать в балаганах, чтобы утром пораньше начать косить, а днем — сгребать сено! Понятно, транспорта для подвозки нас до поля и обратно не было.

Хочется рассказать о защитниках Родины из нашей семьи. Старший брат Иван Прокопьевич Леготин, 1923 года рождения, хотел стать военным. Он оформлял документы в военкомате, когда объявили:

— Война.

Иван успел только дома проститься и 23 июня 1941 года уехал. Полгода учился, получил звание лейтенанта и был направлен на фронт. Был несколько раз ранен. А потом мать получила извещение:

«Ваш сын лейтенант Леготин Иван Прокопьевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 14 августа 1942 года.

Похоронен в районе г. Ржева Калининской области».

Вторым на фронт ушел отец Прокопий Андреевич Леготин, 1902 года рождения. Сражался, получил ранение. Подлечившись, снова воевал. В 1945 году вернулся домой инвалидом второй группы без ноги.

К сожалению, он не дождал до большого праздника — 40-летия Великой Победы.

Третьим на фронт ушел другой наш брат Петр Прокопьевич Леготин, 1925 года рождения. От него сохранилась открытка с передовой. На открытке — четыре бойца, один играет на гармонии, исполняют песню:

Играй, мой баян,

И скажи всем друзьям,

Отважным и смелым в бою,

Что как подругу
Мы Родину любим свою.

На обороте открытки Петр написал, что назначен командиром отделения, что скоро бой.

Хранится у нас и извещение о том, что Петр Прокопьевич Леготин в бою за социалистическую Родину пропал без вести в феврале 1945-го.

От семьи нашей тогда остались мама, бабушка да я с братом. Мама от зари до зари работала в колхозе. И я, школьница, старалась не отставать от нее.

Проработав 36 лет в селе Стариково, из совхоза «Свердловский» я вышла на пенсию. Награждена медалью «Ветеран труда».

Спасибо Родине!

С уважением Афанасия Прокопьевна Леготина.

1985 г.

Я ПОМНЮ...

С большим волнением слушаю песни военных лет, смотрю кинофильмы о войне. И особенное чувство испытываю, когда воспоминаниями делятся те, кто ковал победу на фронте и в тылу. Тогда я заново переживаю трудности военной поры.

Хочется рассказать о жизни детей в годы войны здесь, в глубоком тылу, на примере железнодорожной школы № 9, в которой многие годы мне довелось работать.

Школа была маленькая, плохо оборудованная. В каждом классе 45-50 учеников. За каждой партой сидели по трое. Учебников и тетрадей не хватало. Одним учебником пользовались три человека.

Одевались ребята плохо. Сменного белья не имели. Мыло выдавалось по карточкам, всего по одному куску в месяц на рабочего. Поэтому своих учеников мы организованно водили в баню. И пока они мылись, их одежда прожаривалась в специальной печи. В школе строго следили за тем, чтобы мальчики и девочки стриглись наголо. Тяжело об этом вспоминать.

Продукты выдавались по карточкам, детям — по 300 граммов хлеба в день. В школе во время большой перемены выдавали дополнительно по 50 граммов хлеба. Я и сейчас помню выражение детских глаз, с каким они получали этот кусочек. Даже крошки хлеба никто не ронял.

Голод давал знать о себе постоянно, поэтому и разговоры нередко велись о еде. Помню такой случай. Во время урока Леша Т. толкнул в бок свою соседку по парте и сообщил, что он под вагоном насобирав чечевицы и досыта наелся. Это для него было праздником.

А сколько горя приходилось терпеть из-за плохой одежды. Учился у нас Витя С. Теплой обуви у него не было, и всю зиму он ходил в тапочках. Хорошо еще, что не очень далеко от школы жил. После окончания уроков я выводила Витю на крыльцо школы и следила, чтобы он до самого дома бежал, не останавливаясь, иначе простынет.

Можно поведать и о других трудностях из жизни этих ребят, но нет сил. Оба они ушли из жизни в расцвете лет. И это тоже жертвы войны.

Да, потерь в то время было немало. То одна, то другая семья получала похоронки: гибли родители или близкие родственники.

Но, несмотря на все, дети учились прилежно. Выходных дней и каникул не имели, так как в это время помогали взрослым. В уборку урожая выходили в поле и не оставляли ни одного колоска, ни одно-

го клубня картофеля. Зимой дети с четвертого класса вместе с учителями расчищали от снега железнодорожные пути. На уроках труда шили кисеты в подарок фронтовикам. Собирали табак и наполняли эти кисеты.

Родители в стороне не оставались. Матери, бабушки вязали рукавицы и носки фронтовикам.

Доброе слово хочется сказать и о своих коллегах-учителях. Они все пять военных лет трудились без отпусков и выходных дней. Словом, работали все самоотверженно, хотя условия для жизни были тяжелые. Мы верили в нашу победу и делали для ее приближения все, что могли.

Дети есть дети, и им хочется быть веселыми, играть. Как сейчас помню, во время перемен старшая пионервожатая Рая Ульбекова вместе с дежурным учителем организовывали игры с пением, весельем.

Дисциплина в школе тоже была хорошей. Педагогический коллектив многое сделал для внедрения «Правил для учащихся». Дети были очень почтительны к старшим. Если в школу входил кто-то взрослый, то все дети с ним здоровались. Эти навыки, воспитанность сохранились, хотя наши бывшие учащиеся уже давно стали пожилыми.

Очень о многом можно вспоминать: о трудностях, о самоотверженном труде и патриотизме, характерных для детей и взрослых. Всем было нелегко. Я сама из всех своих наград больше всего ценю медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г.».

Кто пережил те годы, тот никогда не забудет их. Кто, к счастью, не испытал этого, должен знать, обязан помнить, через что прошел наш народ для того, чтобы настоящая жизнь была прекрасной. И делать все для укрепления мощи нашей Родины. А людям, пережившим тяжелую годину, больше рассказывать о пережитом.

В. Качарина, ветеран труда.

1985 г.

ВДОВЫ СОЛДАТСКИЕ

Не забыть сегодня нам отгремевшей 43 года назад войны, потому что слишком много жизней она унесла, слишком многих обожгла. И не утихает эта боль в памяти людской. И до сих пор напоминает проклятая война болью ран, блеском наград ветеранов, обелисками и памятниками. Да скупой вдовой слезой. Сколько их по России?! Есть они и в нашем совхозе.

Только одну весточку получила от мужа Игната с фронта Елена Кузьмовна Олохова, а вскоре пришло страшное известие — пропал без вести. Впору руки опустить, ведь детей пятеро осталось: старшему 11 лет, младшенькой — годик.

Выстояла русская женщина, знала — не к ней одной горе в дом пришло. Жить надо, хотя бы ради детей. Их чем-то кормить, одевать, обувать надо. Держала корову, на молоко обменивала детские вещи. Все, что можно было, перешивала детям. И работала. Почтальоном.

— Бывало, подпояшусь пояском, — вспоминает она, — и за почтой в Карачелку. Не по одному рейсу зимой пешком бегала. Посылки, газеты, письма на себе таскала, а вечером разносила по дворам. И дежурила телефонисткой. Не помню, спала ли я в те годы? Бывало, от усталости и упадешь замертво.

Но вставала снова солдатская вдова, материнский долг поднимал. Да еще подружка Валентина Ефимовна Капралова словом поддерживала, хотя и самой не легче было.

И у нее пятеро остались, когда проводила мужа на фронт. Старшему 12 лет, младшему 1,5 года. Многое пришлось пережить Валентине Ефимовне, но, кажется, самые черные минуты были тогда, когда Елена Кузьмовна принесла похоронку. И верная подруга не смогла остаться в это время в доме у Валентины. Она убежала, не видя дороги от слез, закрыв уши, чтобы не слышать того плача, который доносился из дома. Не смогла она утешить подругу, у нее самой сердце разрывалось на части.

И только мысль о детях подняла на ноги Валентину Ефимовну. Ради них надо было жить и работать. Трудно было, порой, до невозможности. Только в 1943 году стали давать по 300 граммов хлеба на работающего. А было еще пятеро детей, их кормить надо. И делили эти драгоценные крохи на всех. Мать умудрялась иногда свой паек сохранить и отдать его детям. А сама уж как-нибудь. Голодное было время. Все ели, картофель и колоски собирали. Но выжили и дожили до Дня Победы.

Сколько их, наших славных женщин, перед войной успели только прикоснуться к счастью, как припадают к источнику и уходят в путь дальше, успев отпить лишь пару глотков.

А путь им предстоял долгий, трудный, и знали они одну опору, какую знали тысячи таких же, как они, солдатских вдов — умение трудиться, любить и ждать. Работали с раннего утра до поздней ночи, без выходных и праздников. Сами голодали, перебивались на жмыхе, овсяной лузге да лепешках, испеченных из насобиранного весной в поле картофеля, а каждое зернышко падало в борозду. Каждый клочок сена берегли для общественного стада. Мерзли, ходили кто в чем, а каждую пару рукавиц, носков отправляли на фронт бойцам, защитникам Родины.

Мы рассказали только о двух вдовах, но их в нашем совхозе немало. Все перемогли, детей вырастили, пока были силы — трудились. Низкий вам поклон, вдовы солдатские!

С. Арефьев, совхоз «Большевик».
1988 г.

БЕССМЕРТИЕ

(поэма)

В затемненном саду, под ущербной луной,
Мелодично звенела гитара.
На скамейке под вишней в прохладе ночной
Целовалась влюбленная пара.
В беззаветной любви объяснялся Сергей
С деревенской красавицей Дуней,
Волновался, робел, клялся честью своей
В ночь на двадцать второе июня.
А наутро по радио страшную весть
Передал Левитан из столицы:
Вероломным путем потерявшие честь
Вдруг напали фашистские фрицы
На родную страну, на советский народ,
Увлеченный трудом созиданья.
Все круша на пути, рвется враг вперед,
Сея ужасы, смерть и страданья.
Захватили село через несколько дней
Возбужденные шнапсом солдаты.
Запылали дома языками огней,
Затрещали кругом автоматы.
У Сергея убили сестру и отца,
А Дуняшу во что превратили...
Обесчестили девушку два подлеца
И, в чем мать родила, отпустили.
Через день оккупанты собрали селян,
Объявили приказ коменданта:
Подобрать молодых и отправить в Дойчланд
Как рабов своего Фатерланда.
Не укрылся Капустин от глаз палачей,
От интриг полицейской охраны,
Не использовал темных июльских ночей,
Не успел убежать к партизанам.

Долго узников вез по железным путям
Мрачный поезд, скрипя тормозами.
Парни счет потеряли уж дням и ночам,
Сколько едут — не ведали сами.
Но затем, наконец, показалась страна,

Коя горе и смерть породила.
Обреченным страданья сулила она,
Беспощадную гибель сулила.
«Ахтунг, ахтунг, слезай!» — завопили кругом.
«Рус, слезай, ви на место приехаль.
Здесь хороший для вас приготовили дом...»
И густым разразилися смехом.
Под конвоем пригнали колонну людей,
Разместили в вонючих бараках.
Часовые стоят у ворот и дверей —
Все эсэсовцы при автоматах.

Лег на нары Сергей, изнуренный в пути,
И немедленно в сон погрузился.
А назавтра уже на работу идти...
И пошел он, и в шахту спустился.
Нестерпимая пыль, удушающий газ
В очень низком и тесном забое,
Постоянно сверлящий надсмотрщика глаз
Не дают ни минуты покоя.
По пятнадцать часов не пускают на свет.
Хлеб-эрзац да вода — для обеда.
Шеф ехидно кивает: «Кароший обед!
Рус, работай для наша победа!»
Лишь опустишь лопату (одышка возьмет),
На секунду присядешь на балку,
Как надсмотрщик бежит. И со злобой орет,
И ударит резиновой палкой.
Приходилось в грязи по колено стоять
Босиком, кровавыми ногами,
И тяжелую грязь на конвейер бросать,
Обливаясь от муки слезами.
Возвратишься в барак, там на ужин: сто грамм
Мамалыги да суп без картошки,
А когда лишь холодного чаю стакан,
Не отведаешь хлеба ни крошки.
По утрам, получив от солдат по пинку,
Изнуренные люди вставали.
Проповедники им пропаганду свою
«О разгроме России» читали.

В это утро читал свой фальшивый листок
Долговязый ефрейтор бесстыжий:
«Ваша армия в страхе бежит на восток,
Под ударами наших дивизий.
Наши части уже овладели Москвой.
Ленинград тоже русские сдали...
Да и где же им меряться с силой такой,
Пред которой везде трепетали...»
Тут Капустин не вытерпел: «Врешь, лиходеи!»
Сжав кулак, закричал он сердито:
«Знаем твердо, что наших советских людей
Не сломить вашим хищным бандитам.
Не видать вам Москвы и московских ворот.
Ленинград для зверей — не квартира.
Потому что живет там советский народ,
В нем найдется для ворогов сила,
Да такая, что начисто выметет вон
Этот мусор за наши пороги,
Да в помойную яму! Чтоб в будущем он
Не загаживал наши дороги.»
Эту дерзость Сергея ефрейтор пресек
Оглушающим резким ударом,
Словно бешеный яростно сбил его с ног,
Опьяненный нацистским угаром.
От злого удара парнишка упал
На песок и сознанья лишился.
А довольный ефрейтор листок дочитал
И в казарму к себе удалился.

Что случилось с Сергеем, когда (он не знал)
Мрак покрыл черной шторой сознанье?
Как очнулся от грез сатанинского сна,
Полный боли, тревог и страданья?
Он лежал среди трупов, не ведая, где.
Трупный запах витал над могилой.
Что он знает об этой кровавой беде,
Учиненной зловредною силой?
Кто он, тот ли бесстрашный Капустин Сергей,
Или призрак, обман, привиденье?
Что он помнит? Живых, настоящих людей,

Полных ласки, любви, вдохновенья.
Помнит мать с миловидным и умным лицом,
В полушалке, упавшем на плечи.
Ее шутки с веселым и добрым отцом
И спокойные нежные речи.
Помнит Дуню, чей голос так мило звучал,
Чьи припомнил под вишней объятья.
Как по косам в толпе он ее различал.
Как... от немцев бежала без платья.
Немцы! всплыли пред ним все ужасные дни:
В лагерь пыток за дерзость загнали.
Убивали несчастных, морили они,
Отравляли, живыми сжигали
В этих страшных огромных печах, чтобы скрыть
Хоть частицу своих злодеяний.
И напрасно родители будут тужить,
Не смыкая очей в ожиданьи
Сотен тысяч невинных злосчастных детей...
Он был мертв, и его погрузили
На машину средь трупов убитых людей
И для воронов в яму свалили.
Там, возможно, без чувств он с неделю лежал,
Все же смерть победил в поединке!
И о маме теперь сквозь туман вспоминал,
О Дуняше своей, украинке.
Лишь под вечер израненный разум окреп:
Жив. Дышу. Значит, должен сражаться.
Все зловеще: ни тени, ни звука окрест;
Видно птицы успели нажраться.
А проснувшийся разум торопит: «Вставай!
Вылезай из кромешного ада!
Ослабевшим ногам костенеть не давай!
Не сдавайся! Ты должен. Так надо».

На рассвете приполз он к опушке лесной,
Осмотрясь, за кустами укрылся.
Тишина. Пахнет плесенью, мхом и сосной...
Сдвинул веки и в сон погрузился.
Но не сон, а чудовищный, жуткий кошмар
Охватил его мертвою хваткой.

В голове бушевал негасимый пожар,
Сам в ужасной дрожал лихорадке.
Пополудни очнулся он. Солнце печет.
Полоса — грунтовая дорога.
А за нею вблизи плавно речка течет,
Замедляя свой бег у порога.
Все так мирно, спокойно... Но вот вдалеке
Вдруг послышался рокот мотора;
Громыхающий танк подлетает к реке,
Экипаж через люк в ту же пору
Вылезает под шумный, веселый галдеж.
Сквернословят, мундиры снимая:
«Доннер веттер, куда в панталонах идешь?
Догола! Иль порядка не знаешь?»
А, раздевшись, помчались веселой гурьбой
К голубому песчаному броду,
Чертыхаясь и смачно бранясь меж собой,
Возбужденные, плюхнулись в воду.
Изумленный Сергей, весь собравшись в комок,
Как голодный зверек на приманку,
Осторожно, бесшумно, но быстро, как мог,
Устремился к фашистскому танку.
Напряженные нервы и мускулы вдруг
Взметнули его на стальную махину:
Без раздумья, мгновенным прыжком через люк
Незамеченный юркнул в машину.
Люк задраил надежно, на стартер нажал.
Только сердце стучит и колотит...
Но, пофыркав, мотор заревел, задрожал,
Будто гибнет и помощи просит.
Между тем, обезумев, вопя, из воды
Вылезали на берег танкисты.
И трусливо, в предчувствии верной беды,
«Адский» танк окружили фашисты.
Тут Сергей газанул, потянул рычаги:
Танк волчком развернулся на месте.
И стремглав наутек побежали враги
От священной и яростной мести.
Только тщетно, возмездие не отвратить,
От заслуженной кары не скрыться!

И под собственным танком закончили жизнь
Те вояки, нацистские фрицы.

Танк замолк. Но несносно болит голова,
Вниз упали дрожащие руки.
Мысли рвутся. В безмолвии тонут слова.
Притупились страдания и муки.
Изнуренная пыткой, сдавала душа,
Уходя, погружаясь в истому.
«Нет, нельзя!» — поднимаясь и тяжело дыша,
Простонал он. И жалкому стону
Не поддался Сергей: не к лицу молодым
Предаться усталости вялой.
С лихорадочной жадностью выпил воды,
Благо — в термосе рядом стояла.
Оказавшись в броне, он не вправе терять
Ни одной драгоценной минуты.
Надо драться и в драке поступки сверять
С справедливою местию лютой.
Танк по свежему следу помчался назад,
К неизвестной, неведомой цели.
Голубое пространство сверлили глаза,
Словно выследить зверя хотели.
А тревожная даль устремляла вперед,
Предвещая жестокою схватку...
Вдруг над степью вдаль закружил самолет
И, снижаясь, пошел на посадку.
Оживился Капустин. «Удача!» — сказал.
Самолет — неожиданный вестник,
Он мятежному танку маршрут указал,
Приземлился и замер на месте.
Танк взревел, изрыгая раскатистый гром,
Устремился вперед он, и вскоре
Перед взором раскинулся аэродром —
Просторное ровное поле.
Не изведая сраженья, готовые в бой
(Впереди предстояли полеты)
Среди поля, красуясь, блестя новизной,
Боевые стоят самолеты.
Ждут команды, чтоб молнией взмыть в небеса,

Сдвинув хищно крылатые плечи,
Штурмовать, смертоносные бомбы бросать,
Разрушать, убивать и калечить.
...Запоздала команда. Сорвался полет.
Не свершили свой «подвиг» пилоты.
Взбунтовавшийся танк грозно рвался вперед
И таранил, круша, самолеты.
На побоище вспыхнул гигантский пожар,
Запылала крылатые твари.
Раскалившийся воздух от взрывов дрожал,
Почернел он от дыма и гари...

И Капустин погиб в раскаленной броне,
В прах стгорел в полыхающем танке.
Вместе с жизнью бесследно погибли в огне
Поглощенные жаром останки...
Только имя его не умрет никогда.
Даже смерть не страшна Великану.
Он в бессмертие смело шагнул навсегда,
Вечно жив и в забвенье не канул.

Л. Боровых, ветеран Великой Отечественной войны.
2000 г.

МОЯ БАБУШКА

Моя бабушка Жихарева Екатерина Петровна прожила долгую и интересную жизнь. Самой тяжелой порой для нее стала юность. Ей было всего пятнадцать, когда началась война. А что значит война для подростка? Всем им было очень тяжело. Мужчины ушли на фронт, и ответственность легла на их еще совсем детские плечи. Ровесники бабушки не могли закончить образование, так как не хватало рабочих рук: все было для фронта. Нет ни одной семьи в Шумихе, которой не коснулась бы война. Те, которых не забирали на фронт, не менее самоотверженно трудились в тылу. Никто не думал о здоровье, хотя были чудовищные нагрузки, не всем хватало продуктов.

Сейчас все меньше остается людей, переживших войну. Но и о них не всегда заботятся. Некоторых просто отправляют в дома престарелых, чтоб избавиться от хлопот; некоторые остаются в одиночестве у себя дома. Но даже тем, кому повезло, и их не бросили, сейчас очень тяжело. Их загубленное здоровье можно поддерживать лекарствами, но их или не найдешь, или не купишь из-за цен.

Все каникулы я провожу в гостях у бабушки. У нее дома всегда очень уютно. Недавно был вечер встречи ветеранов, на который собиравались все, кто в годы Великой Отечественной войны работал на машиностроительном заводе. Она ходила туда и вернулась помолодевшей. Воспользовавшись случаем, я попросила ее рассказать о войне.

— Перед войной, в июне, у папы был отпуск, и они вместе с мамой уехали в Харьков за покупками. Как мы узнали, что началась война? Было воскресенье, обыкновенный солнечный день. Утром мы играли своей компанией на улице. Вдруг кто-то прибежал и сказал, что началась война. У меня внутри все как-то оборвалось. Все почувствовали ужас. Через минуту мы уже напряженно слушали радиоприемник. Родители в 12 часов ночи выехали из Харькова, а утром, в четыре часа, город уже бомбили. Доехали до дома они только через неделю, так как много раз приходилось делать пересадки. А уже в декабре папу взяли в армию. Провожали его из школы № 4. Мы всю ночь просидели в военкомате: эшелон пришел только утром. Все плакали. Нас осталось у мамы трое: два брата и я. Потом мы очень ждали писем. Папа попал в саперы. Их часть шла сразу за фронтом. Они разминировали, строили мосты под бомбежкой вручную, по пояс в холодной воде. При папе разорвало его друга. Он и сам не раз лежал в полевых госпиталях, ведь от налетов они прятались в канавах, его контузило.

В сентябре в Шумиху эвакуировали завод из Запорожья вместе с необходимыми специалистами, которые могли организовать работу

завода на новом месте. Я не помогала устанавливать станки, так как училась. В сорок втором я закончила седьмой класс и пошла работать на завод. Мы пилили дрова, вручную рыли котлованы под дизель. Все это делали 14-15-летние девчонки. Работали по 10-15 часов, без выходных. Только к зиме нас перевели в цех, я стала истопником. Нужно было 12 часов топить одним кубометром сырых дров шесть печек. Иногда мальчишки 10-11 лет, работавшие в третьем цехе, прибегали помочь, но потом убегали вместе с дровами. Я за ними, но они быстрее мимо охраны (третий цех был секретным и туда пускали только по особым пропускам). Я к мастеру: «Александр Клементьевич! У меня дрова украли». Он только посмеется. А в цехе окна наполовину разбиты и заколочены фанерой. На станках работают с водой, которая постоянно замерзает, ну и руки, конечно, тоже.

Однажды на Хохловском переезде произошла авария, и два вагона с торфом и коксом сломались. Мы на санках возили торф по цехам и топили им.

Весной я перешла в ученицы токаря. Работала на сверлильном и на болторезном станках. На следующий год была уже мастером. В смене работали одни девчонки. Мы выпускали мины М-50 и М-80. Нам выдавали 600 граммов хлеба в день, а в столовой можно было взять суп с одной-двумя картофелинами и мороженой капустой.

Всех мальчишек с 1925, 26 и 27 года забрали на фронт, и в 1943-1944 годах на всем заводе были одни девчонки, даже в литейном цехе они работали и заливщиками, и формовщиками.

Директором тогда был Гуревич. Он не сидел в кабинете, а ходил по заводу и днем, и ночью. Придет, погрееется, проверит, все ли в порядке, и дальше пойдет.

А в 1945-м, когда папа пришел, директор был уже Разин — суровый, молчаливый. В августе, когда я работала во вторую смену, прибежал брат Сашка и сказал, что папа вернулся. А ведь с работы не убежишь: должность ответственная. Я к директору: «Александр Михайлович! Отпустите меня! Я отца четыре года не видела!» «Ну, ладно, иди на час. Я вместо тебя побуду». Я быстрее побежала домой. У нас в доме было общежитие. Когда тятя пришел домой, Сашка на кухне чистил картошку. Папа не узнал его и, проходя мимо, подумал, что это квартирант. Сашка закричал: «Папа». «Наверное, это мой», — догадался папа.

(Вспоминая это, бабушка заплакала).

В это время мама ездила одна, с больной рукой, за сеном на корове. Когда она приехала и увидела отца, заплакала.

Несмотря на то, что мы жили очень тяжело и много работали, люди хотели отдохнуть. Хорошо работал комсомол. Секретарем комсомольской организации был Дима Мочалов, эвакуированный из Запорожья. В 1943 году и я вступила в комсомол. Мы выпускали газеты, в которых писали о том, как помогали фронту, о хороших рабочих, о стахановцах. Устраивали концерты, собирали и отправляли посылки на фронт. Было трудно, но весело. Мы всегда пели: и в цехе, и когда шли в столовую, и когда возвращались обратно, на концертах.

В Шумихе был один клуб, клуб Кагановича. Туда ходили смотреть кино по заявкам: когда свободное время, то подаешь заявку от смены или от цеха, и в это время показывали фильм. Приезжали артисты и ставили оперетту «Сильва». Ходили мы и на танцы. В клубе был духовой оркестр. Когда он начинал играть, то со всего города стекался народ, кто только был свободен.

Были в Шумихе и военнопленные. Они работали в инструментальном цехе мастерами и жили во второй половине здания клуба. Пленные хорошо работали, делали красивые поделки из дерева и меняли их на продукты. Может быть, странно, но к ним хорошо относились, никогда не ругались с ними, не громили их. Мы часто смотрели, как они выпиливают. После войны их куда-то увезли, а помещение отремонтировали и устроили там красный уголок.

В день окончания войны я работала во вторую смену. На заводе проводили митинги: один для первой смены, другой — для второй. Было много-много радости от того, что и сами дожили, и что скоро вернутся родственники: у кого брат, у кого сестра или отец. Все эвакуированные засобирались домой, ведь дома всем лучше. А завод остался в Шумихе в наследство от Запорожья.

В одной из старинных русских песен есть такие слова:

Что не увидел,
О том не расскажешь.
О чем не заплакал,
О том не споешь.

Моя бабушка заново переживала все, о чем рассказывала, и я поняла, что если пройдет еще 50 лет, то она все равно не сможет спокойно рассказать о том, что перенесла и что ей так дорого.

М. Сутормина,
ученица школы № 1.
1995 г.

МОЯ СЕМЬЯ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Война. Какое страшное слово! Она началась 22 июня 1941 года для людей внезапно и неожиданно. Все силы были брошены на одно — разбить врага. Сколько людей было потеряно, сколько людей погибло, сколько было покалечено, ранено во время этой жестокой войны. Люди отыскивали друг друга спустя десятилетия или так еще не отыскали до сих пор. Сколько крови и слез было пролито. Умирали не только от пуль, снарядов и мин, но и от голода, холода и болезней. Я мечтаю, чтобы никогда не пришлось нам испытать ужасы, которыми обрушивается на людей война.

Война коснулась жизни многих людей и их семей. Не обошла стороной и нашу семью. Мой прадедушка, его звали Георгий Степанович Зыков, сражался на войне против фашистов. Он родился в 1910 году. Его дочь, моя бабушка Ольга Егоровна Горбунова, запомнила его (отца) честным, справедливым, добрым. Дети никогда не слышали от отца грубого слова. Он очень любил и детей, и жену, приучал детей к труду. В 1938 году его направили служить на Дальний Восток, затем туда же переехала вся его семья. Позднее, в ноябре 1941 году, прадеда, его жену и детей эвакуировали с Дальнего Востока, так как в то время стало неспокойно на границе с Японией.

Георгий Зыков ушел на фронт из г. Шумихи в декабре 1941 года. 13 июня 1943 года мой прадедушка был тяжело ранен в ногу под Пензой, пролежал некоторое время в госпитале. После ранения прадеда отправили домой на поправку. Дома он пробыл меньше полгода, затем его снова забирают на фронт. Пять месяцев отдыхал он от ужасов войны: от грохота пушек, пуль, взрывов.

Прадедушка писал письма с фронта до весны 1944 года, потом связь прервалась. В этих письмах прослеживалось многое: стремление как можно скорее разгромить фашистских захватчиков, ненависть к врагу, вера в жизнь, тревога за семью, за родных, забота о том, как облегчить их положение.

Прадедушка верил в скорую победу, его письма были полны веры, надежды и оптимизма, несмотря на то, что где-то рядом раздавались взрывы снарядов и мин, жужжание вражеских пуль. Он писал о настоящей дружбе, которая скрепляла бойцов и командиров на фронте, писал тексты любимых песен (самой любимой была «Землянка»). В письмах он мечтал о хорошей жизни после войны.

В последнем письме, которое он написал в середине весны, он обещал, что выполнит свой священный долг мужественно, как подобает храброму воину, а не иначе. И он выполнил свой долг, защищая Родину, свою землю, свой народ.

В начале каждого письма сквозила забота о близких: детям он писал наставления. Было от него и такое письмо:

«Чтобы победить врага, требуются от нас с тобой совместные усилия. Тебе побольше работать в поле, дать больше хлеба нам, а мы должны метко стрелять, чтобы больше убить немцев. И тогда мы (бойцы) вернемся с победой домой, на свои места, кто останется в живых...» Так он обращался к своей жене, и она прилагала максимум усилий, работая в тылу, чтобы приблизить конец войны.

В тылу жилось трудно: есть было нечего, часто голодали. Одевались плохо (кроили и шили сами одежду, носили «обутки» из свиной кожи), замерзали от холода. Но все-таки находили средства и посылали на фронт варежки, валенки, деньги, шили простыни для бойцов. Были пункты, где собирали для воинов провизию: муку, хлеб, зерно, яйца, молоко.

Прабабушка отвечала на каждое письмо мужа. Она писала мужу теплые, полные заботы письма. В них были описаны все домашние дела, проблемы, радости, переживания за него. Сколько бессонных ночей прабабушка провела вся в слезах, опасаясь за здоровье и жизнь мужа. Все глаза она проглядела, высматривая почтальона, когда долго не приходили письма с фронта. А когда приходило письмо, его перечитывали с нежным, радостным трепетом множество раз. Письма играли огромную роль в жизни людей во время войны, в них были вложены горечь переживаний, радость побед, вера в торжество правого дела.

Прошло много лет после войны, после того, как семья Зыковых получила последнюю весточку с фронта. 2 апреля 1977 года в газете «Знамя труда» было опубликовано письмо М. Матея, которое называлось «Родные Зыкова, откликнитесь!» Письмо в редакцию газеты пришло из далекой Молдавии. Его автор — учитель молдавского языка и литературы, руководитель кружка «красных следопытов» села Мендрешты Темнештского района Михаил Матей.

Он пишет:

«Летом 1944 года при освобождении Молдавии от фашистских захватчиков погиб ваш земляк лейтенант Зыков Георгий Степанович, 1910 года рождения. К сожалению, нам известно только то, что он пошел на фронт из г. Шумихи. Там осталась его жена Зыкова Татьяна Егоровна. Просим откликнуться родных, друзей и знакомых война».

Только прочитав эту заметку, наша семья узнала о судьбе моего прадеда. И моя бабушка, Ольга Егоровна, откликнулась (прабабушка

не могла писать, так как стала плохо видеть). Так началась переписка между бабушкой и М. Матеем. В следующем письме М. Матей пишет подробно о том, что прадед скончался от ран в медсанбате, который во время войны находился в селе Сухулучены. Прадеда похоронили в том же селе. А уже после войны было специальное распоряжение относительно воинских захоронений.

Это было в 1956 году. Останки воинов были перевезены из сел района и перезахоронены со всеми почестями в Темнешты, в единой братской могиле. Эта братская могила находится в тихом парке, напротив детского садика. В центре поселка сооружен мемориальный комплекс в честь воинов-освободителей. Фамилии, имена, воинские звания погибших высечены на гранитных плитах, где есть и имя лейтенанта Георгия Степановича Зыкова.

Все мы чтим память дорогого отца, дедушки, прадедушки. Люди обязаны никогда не забывать имена тех, благодаря которым мы живем, радуемся, улыбаемся, учимся; благодаря которым мы свободны. Ведь они отдавали свои жизни за счастье будущих поколений, то есть за нас.

**М. Смирнова, ученица 8 класса школы № 4.
1995 г.**

ШАГНУВШИЙ В БЕССМЕРТИЕ

«День Победы! Как он был от нас далек...

Как в костре потухшем таял уголек.

Были версты, обгорелые в пыли.

Этот день мы приближали, как могли...»

Эти строки из любимой песни не только фронтовиков, но и тех, кто ковал Победу в тылу, и тех, кто знает о войне только из книг и фильмов. И хотя эта песня была написана спустя много лет после окончания Великой Отечественной войны, она стала Гимном Победы, Гимном Памяти, Гимном радости, хотя и «со слезами на глазах».

«День Победы...» Эта песня возвращает в те далекие для нас времена, когда наши деды защищали свою Родину и наше будущее рождение. Прошла целая эпоха, но эта песня по-прежнему близка многим людям: ведь не осталось, наверное, ни одной семьи, откуда не был бы призван в Армию хоть один человек. А если «не вышли по годам», так сами решали свою судьбу: либо мальчишками сбегали на фронт, либо ребята постарше уходили на передовую добровольцами. Подобная история произошла с моим дедушкой Шацких Алексеем Яковлевичем.

Оба его старших брата, Фауст и Павел, были на фронте, а Алексей, 17-летний паренек, не подлежал призыву. Он, как и многие его сверстники, рвался на фронт. Непризывной возраст был помехой. И тогда ребята написали письмо в военкомат с просьбой отправить их добровольцами на фронт. И мечта их сбылась...

Ушел дедушка на фронт 20 августа 1942 года. Воевал он в 188-м полку рядовым стрелком на Курско-Орловской дуге, I Украинском, II Белорусском фронтах, участвовал в боях за Курск, Орел, Щорс, Севск, форсировал реки Сож и Снов.

25 октября 1943 года получил первое ранение, а 15 ноября этого же года был тяжело ранен в правое предплечье. Сначала отправлен в госпиталь в Архангельск, затем в Читинскую область. Проезжая в санитарном вагоне по родным местам, он и не подозревал, что дома его уже оплакали. По роковой случайности его родные получили похоронку со следующим содержанием:

«Шацких Алексей Яковлевич, уроженец с. Карачельского Шумихинского района Курганской области, в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявил героизм и мужество, был убит в наступлении 11.11.43 г. Похоронен на северной окраине с. Громыки Гомельской области».

Сколько слез было пролито матерью над этим зловещим письмом со штемпелем «Полевая почта 03335». Не зря говорят, что плохие новости доходят быстрее. А вот документы на представление дедушки к ордену затерялись в пути, и о не нашедшей своего героя награде близкие узнали от бывшего солдата спустя много лет. На предложение ему сделать запрос об ордене он сказал: «Я воевал не за награды».

Долгие 7 месяцев провел дедушка на госпитальной койке. Домой писать не мог: поврежденная правая кисть не позволяла послать весточку домой. Все надеялся, что вернется на фронт, а оттуда и напишет.

С так и не затянувшейся раной 22 июня 1944 года он был отправлен домой долечиваться. Не удалось солдату «рассчитаться» с фашистами за свои раны, следы от которых остались на всю жизнь, оставив бойца инвалидом.

За участие в Великой Отечественной войне дед был награжден медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией», юбилейным знаком в честь 25-летия Победы, юбилейными медалями в честь 20, 25, 30, 40, 50-летия Вооруженных Сил, орденом Отечественной войны I степени. Все эти награды бабушка свято хранит.

Чтобы не чувствовать себя бесполезным, дедушка устроился работать военруком в Горшковскую школу до 1948 года, а потом вернулся в с. Карачельское и до пенсии работал связистом (заочно закончил Свердловский электротехникум связи).

Умер дедушка 7 ноября 1989 года.

Хотя мне было всего 5 лет, но я помню, как он со мной очень часто играл, читал книги, ухаживал за мной, когда я болела, дарил подарки. Перебирая детские игрушки, я каждый раз вспоминаю о нем. В моей памяти он останется навсегда!

«Этот день Победы порохом пропах,
Этот праздник с сединою на висках...»

Из воспоминаний мамы я знаю, что праздник 9 Мая был святым в семье. В этот день единственный раз в год ее отец доставал свои награды и «при полном параде» шел в сельский сквер к обелиску, где традиционно собирались односельчане, друзья детства, ветераны войны, чтобы почтить память погибших в войне и вспомнить свой боевой путь. Только в кругу бывших фронтовиков дедушка говорил о войне. Наиболее сильные впечатления остались от рассказов о том, как приходилось идти на врага врукопашную.

Многие годы дедушка не любил ни книги, ни фильмы о войне. Моя мама рассказывала, что отец всегда подшучивал над ней, когда она плакала над книгой или фильмом о войне: «Но это же сказка! Все было гораздо страшнее».

И только в последние годы жизни, когда, видимо, притупилась боль, стерлись из памяти ужасы тех дней, дедушка стал читать мемуары о войне. Как человек скромный о себе же говорить не любил.

Почти 55 лет назад окончилась война! Но отголоски ее напоминают нам, сколько жертв было принесено ради Победы, сколько судеб людей изменилось, сколько сыновей не сможет сказать: «Здравствуй, мама, я живой!»

«День Победы...» Каждый год 9 Мая мы приносим цветы к обелиску погибшим, произносим слова благодарности тем, кто отстоял наше мирное детство. Это самое малое, что мы можем сделать для тех, кто уже «не придет никогда». И пусть не только в юбилейные даты звучат слова благодарности ветеранам войны и труда. Пусть эти скромные и уставшие люди не чувствуют себя обездоленными и забытыми. Память о них, внимание и забота окупятся с лихвой, когда вырастет молодое поколение, благодарное своим предкам за мирную жизнь, гордящееся своими легендарными дедами и прадедами, любящее свою страну и преданное родной земле. Пусть память о тех, кто шагнул в бессмертие, будет залогом вечного мира на земле. «Это нужно не мертвым, это нужно живым!»

Ксения Павлова, ученица 9 класса

Кишелевской основной школы.

2000 г.

МЫ ПОМНИМ ВАС, ДОРОГИЕ!

Принято называть героями людей, совершивших подвиги, получивших за них награды. А между тем каждый человек, прошедший войну, также герой. Как часто мы этого не понимаем! Но стоит взглянуть на наших стареньких бабушек и дедушек пристальней, и мы увидим, как отразилась война в их глазах, в их, часто серьезных, чертах лица, почувствовать ту боль, с которой многие так и не смогли расстаться.

Горячая память живет в их сердцах. И нам нужно сердцем прикоснуться к тому трагическому и героическому времени, унесшему миллионы жизней и родившему миллионы героев, чтобы осознать чувства наших бабушек и дедушек, осмыслить то, что пережили они. Увидеть тот глубокий шрам, что оставила в их душах война.

Мы не можем убрать эти шрамы, мы можем лишь отблагодарить наших стариков-ветеранов добрым словом и делом, памятью о их героической жизни. Людей, переживших войну, становится все меньше и меньше. Незаметно и скромно покидают они нас. Наш долг — не забывать живых и не забывать ушедших. Свой рассказ об одном воине посвящаю всем фронтовикам как дань благодарной памяти.

Много лет к нам в школу приходил пожилой человек с военной выправкой, полковник в отставке Воробьев Михаил Данилович. Боевые награды украшали грудь ветерана. Вместе с ним прошли мы мысленно всю войну от первого до последнего дня, он учил нас мужеству. А опыт мужества — самый драгоценный опыт в жизни.

Давайте вместе с ним пройдем по дорогам войны, ведь его путь — путь миллионов наших фронтовиков.

Михаил Данилович встретил войну в Белоруссии, знал горечь отступлений и поражений, участвовал в обороне Тулы, в Сталинградской битве, освобождении Польши и штурме Берлина.

Службу свою военную начал в 1929 году в кавалерийской дивизии, которую создал Буденный, водил в атаки Ворошилов. О службе в кавалерии всегда мечтал. Как здорово: «Пашки к бою, марш, марш!»

Войну встретил в Белоруссии, в 32-й дивизии, которой командовал Г. К. Жуков. Всю ночь на 22 июня разгружали по приказу боевую технику. К утру налетели самолеты, загремели взрывы. «Что это?» — мелькнуло в голове. И тут же сознание захлестнула страшная мысль: «Война!»

Утро второго дня войны было тихим: ни шороха, ни звука. И вдруг во ржи не то плач, не то стон. Бросился Михаил Данилович на звук и увидел страшную картину: во ржи лежала убитая женщина, прижи-

мавшая мертвых детей, мальчика и девочку. Живым оказался самый маленький. Он уже не мог кричать, а только жалобно попискивал. Михаил Данилович принес полуживого, перепачканного кровью ребенка в полк.

А через несколько дней спасли жизнь и самому Михаилу Даниловичу.

В следующие дни шли ожесточенные бои. Противник становился все наглее и злее. Тогда-то и получил свое первое ранение Михаил Данилович. Ранение было настолько серьезным, что отчаянно сражавшиеся однопольчане посчитали его погибшим.

С поля боя вынесли его местные жители. Семья белорусских крестьян Демидовичей укрыла у себя 16 раненых солдат. Когда в село пришли немцы, раненых спрятали в лесном госпитале, а тяжелораненых на сеновале. Недалеко от дома Демидовичей располагался немецкий штаб, поэтому взрослым ходить на сеновал было крайне опасно. Выручали дети, которые две недели кормили бойцов. Они затевали во дворе игру в прятки и нередко забегали «прятаться» на сеновал.

Затем и эти раненые были переправлены в более безопасное место.

После войны Михаил Данилович долго разыскивал своих спасителей. Встреча произошла лишь через 30 лет. Узнал он, что глава семьи был расстрелян немцами за укрывательство, что мать умерла от горя, потеряв во время войны мужа и четверых детей. Но были живы те девочки (а теперь уже взрослые женщины), которые играли в «прятки». Наград они не получили — слишком малы были во время войны. Но какая награда сравнится с человеческой признательностью за спасенную жизнь?!

Затем Михаил Данилович участвует в героической обороне Тулы, в освобождении больших и малых населенных пунктов, в ожесточенных боях за Калугу. В одном из боев здесь вновь попал в окружение, вновь был тяжело ранен в живот. Ползком с тяжелой раной выбрался из окружения.

Подлечившись, вновь в бой — в бой за Сталинград. Именно здесь получает дивизия звание гвардейской.

Шли с победными боями через Украину, Молдавию, Польшу. Все ближе и ближе в конечной цели — Берлину. С волнением рассказывал старый солдат, как брали Берлин, как писали на стене рейхстага: «Мы с Урала!», как сдавались немцы. Воздух Берлина еще пахнет гарью, а дышится легко и вольно: мир?

Но как много людей не дожило до этого дня. Как много героев получили свои награды посмертно. Как много товарищей пало в бою, сколько умерло от ран. Всю оставшуюся жизнь Михаил Данилович помнил о них и на многочисленных встречах с нами и ребятами из других школ рассказывал и рассказывал о своих боевых товарищах и их подвигах, о мужестве и героизме славянских народов. Он хотел, чтобы мы гордились своими предками и помнили их.

Несколько лет назад Михаила Даниловича не стало. Не стало хорошего человека, мужественного солдата, отдавшего русской армии 27 лет жизни. Но мысль его о гордости за свою Родину и народ жива. Жив и его завет - не забывать, что рядом с нами живут герои — люди, пережившие войну.

**Елена Глуздакова, ученица 9 класса
Березовской основной школы.
2000 г.**

СУДЬБА СОЛДАТА

Пережившим войну и светлой памяти погибших посвящается

Погранзастава подле Бреста —

Пришел формальностям конец.

А сын душой стоит у места,

Где погребен его отец.

Отец с победой не вернулся,

И не пришлось его обнять,

Теперь вот случай подвернулся

Его могилу отыскать.

И сколько встретится надгробий,

Но он отцово не пройдет.

Залог тому — инстинкт сыновий,

К святому месту приведет.

В вагоне льются смех и шутки

И рвется в клочья тишина,

И мчит экспресс вторые сутки

Туда, где кончилась война.

Туда, откуда начиналась,

Снялась там в профиль и анфас,

Затем Европой прокатилась

И вдруг обрушилась на нас.

А вот и пригород Берлина

Плывет в вагонное окно.

А сын ушел в свою картину,

Как в кадры старого кино...

...Деревня жмется подле речки.

Дома под крыши замело.

Мальчишка спит на русской печке —

Ему уютно и тепло.

Еще — катанье на салазках,

Штаны, застывшие колом.

По вечерам — бабули сказки

Да лампа в нише под стеклом.

Была весной игра в шаровки

На том пригорке у реки,

И были шутки, потасовки —

Аж в спор вступали старики.

А летом, в пору сенокоса,

Траву медвяную сгребать.
Потом прыжок в реку с откоса,
Чтобы поплавать, понырять.
Затем открыть свою ограду,
Корову встретить и прибрать.
Еще отца дожидаться надо,
Чтобы хозяйство передать.
А вот и он. Чуть-чуть усталый.
Улыбка прячется в усах:
— Ну, как дела, хозяин малый?
И сын душой на небесах.
Доклад предельно лаконичен —
Отцу не надо лишних слов:
— День проведен, отец, отлично!
И завтра к службе, мол, готов.
Берут мальчика мужские руки,
К широкой жмут его груди.
— Вот поцелуй тебе за муки,
Но завтра вновь не подведи.
Ах, как приятно оказаться
На этой жилистой руке,
Потом случайно прикасаться
К легонько колющей щеке.

Но что такое приключилось?
Кипит родная сторона,
Деревня плачем огласилась,
И все твердят одно — война.
Вот и отец на фронт собрался,
Стоит котомка на крыльце.
Таким он в памяти остался —
С улыбкой грустной на лице.
Как будто знал: разлука вечна;
Как будто час его пришел.
Расцеловал он всех сердечно,
Котомку поднял и ушел.
Прошла неделя в ожиданьи
(А всем казалось — целый век) —
В семье большое ликованье:
Живет родной им человек.

Пришло письмо из н-ской части,
Отцовской писано рукой.
И улеглись тут сразу страсти
И обрела семья покой.
Письмо прочли вначале дома
(Объяснимо что вполне),
Потом прочли своим знакомым
И всей обширнейшей родне.
Отец писал, что службу правит,
Обвыкся, вроде, ничего,
Пока учебных фрицев давит,
Но руки просят не того.
Что часть в Кургане формируют.
Вчера взорвал учебный дот.
Мол, нас немного подмуштруют,
А там отправимся на фронт.
И тут посыпались советы:
Мол, надо съездить повидать.
Ведь у войны свои секреты,
Кто их возмется разгадать?
Прасковью-маму убедили,
Что недалеко от нас Курган.
В гостинцы все свое вложили:
Любовь и горе пополам.
И как семье фронтовика
Колхоз им выделил быка.
И утряслось все понемногу:
Вот скоро папа будет рад.
И направляется в дорогу
Сей тихоходный агрегат.

Хрустящий снег полозья режут,
Рассвет седой над степью брезжит.
Да над ярмом как два штыка
Рога блестящие быка.
Да нет, не близко до Кургана.
Зимой не летом — дольше путь,
Бежали с мамой за санями,
Чтоб не замерзнуть, не заснуть.
Уже, казалось, нету мочи,

Ведь даже бык давно устал,
Но все же так к середине ночи —
Нашли урочище Увал.
Палатки стройными рядами,
А между них поземка вьет,
Скрипят солдаты сапогами:
Здесь жизнь солдатская идет.
Быка в момент определили,
Чайком оттаяли мальчика
И командиру доложили:
— Тут мальчик требует отца.
— Что значит — требует, что — просит?
Еще добавилась беда.
И на ходу кому-то бросил:
— Направь Захарова сюда.
Прошла минута или двадцать,
И вот прижал к груди отец.
Шептал: «Сумел сюда добраться,
Ах ты, Колоюшка-сорванец».
Как ночь прошла, как пролетела —
Тут просто в памяти дыра,
А утром вдруг труба запела,
Отец сказал: «Что ж, мне пора».
Мелькали кони, танки, пушки —
Заиндевелые, страшны,
А сын стоял у той опушки,
И был далек он от войны.
Прошли последние солдаты.
И на прощанье взмах рукой.
Их вскоре белые халаты
Слились со снежной пеленой.

Потом из этой круговерти
Писал не раз домой отец:
«Живем, сражаемся как черти,
Вот скоро извергам конец.
Не запугали, не сломили
Трудолюбивый наш народ.
Друзей мы много схоронили,
Но продвигаемся вперед.

И меры нет урокам нашим.
Но я, как многие, живуч,
А, может быть, молитвой вашей,
А, может, просто я везуч.
Вот как-то раз рванула мина,
И мне, конечно, повезло:
Сапог осколком раскроило,
А вот до тела не дошло.
Иль как-то враг накрыл шрапнелью —
С землей смешались облака,
Слизнуло хлястик у шинели,
А на спине — ни царапка.
Теперь осталось ждать недолго,
Ведь до Берлина взмах рукой.
И мы, исполненные долга,
Придем с победою домой».
И вот Победа отгремела,
Май в Зауралье ликовал.
Семья притихла, присмирела:
Отец все весточки не слал.
Прасковья — ***
Березки выкинули почки,
Скатилась вешняя вода.
И тут совсем обычной почтой
Пришла к Захаровым беда.
Звучала весть страшней набата,
Как будто рухнула гора:
Из полевого медсанбата
Писала Аня, медсестра:
«Крепись, далекая подруга,
И вникни в новые слова:
Сегодня ты лишилась друга,
Теперь зовешься ты — вдова.
И как бы не было прискорбно —
Чужой беды не умалить —
Я опишу тебе подробно,
Чтоб с вами горе разделить.
Я испытала радость, беды —
Четыре года шла война.
Вот накануне дня Победы

Был к нам доставлен старшина.
К нему боялись прикоснуться —
Одни глаза из-под бинтов.
А он пытался улыбнуться,
Мол, к операции готов.
Его здесь резали, сшивали,
Старались целое собрать,
Осколков двадцать штук набрали,
Пришлось и ногу отнимать.
Все обошлось. Все миновало.
Остались муки позади.
Но я прекрасно понимала,
Что весь-то ужас впереди.
А утром новость я узнала,
Лечу стрелой в медсанбат,
Чтоб с этой вестью небывалой
Своих порадовать солдат.
Победе радовались вместе,
Ведь пережили мы войну,
Лишь старшина лежал на месте,
Был безразличен ко всему.
Грудь у него не поднималась,
Синели пальцы на руке,
Еще слезинка оставалась
На холодеющей щеке.
А копь в живых не захватила,
Страданий видеть не могла,
Взяла, глаза ему закрыла
И в путь последний собрала.
А когда вещи убирала,
Нашла солдатский медальон.
А из него о вас узнала,
И мне сберет ваш адрес он.
И старшина там подписался:
Четыре есть в семье сына,
Что в сорок первом призывался
Он Куртамышским эРВэКа.
Такая вышла вот невзгода,
Со зла не стыдно зареветь:
Быть невредимому все годы,

А в день Победы умереть.
Победа! Люди ликовали:
Всем надоело в страхе жить.
А мы могилку отрывали,
Погибших чтоб захоронить.
Здесь алфавит не соблюдали
И не пошли в зачет чины,
Писали так, как опускали,
Ведь смерть принявшие равны.
Затем без всякой подготовки,
Блюдя солдатский ритуал,
Вложили скорбь свою в винтовки —
И залп прощальный прозвучал.
И прогремел тот залп трехкратно
Над свежавыросшим холмом.
А я пришла в санбат обратно,
Чтоб написать вам обо всем.
Вам жить по-новому отныне.
Желаю всяческих вам благ.
Ваш муж схоронен под Берлином,
Иль проще — город Фюрстенвальд...»

...И сколько уж десятилетий
Стоит над миром тишина!
Уж у детей родились дети.
Давно состарилась жена.
Но спит солдат в могиле братской,
Здесь не его совсем вина,
Скорей всего судьбой солдатской
Распоряжается война.
Да сын считает своей честью,
Кляня в душе войну и смерть:
Не жить теперь с отцом им вместе,
Так хоть могилу посмотреть.
И вот путевка за границу:
Возможность, случай, так сказать,
Святому месту поклониться
И долг сыновний свой отдать.
И залечила земля раны
На той и этой стороне.

Теперь зовутся ветераны
Те, кто участвовал в войне.
Не грех и в прошлом покопаться,
От первых дней и до седин...
Но тут сосед стал одеваться,
Сказал: «Приехали. Берлин».

Какое солнечное утро!
А наше все-таки нежней.
Дома сверкают перламутром,
Порхают стайки голубей.
Фонтаны гнут крутые спины,
Кругом обилие цветов.
Вполне типичная картина
Для европейских городов.
Спешит народ, такой обычный,
И речь немецкая слышна.
Но все же как-то непривычно.
Берлин. Сиротство. И война.
Да, здесь нетрудно заблудиться.
Куда теперь? Кому сказать?
Но коли рвался за границу,
Решил, что будет наступать.
А вот и женщина при форме.
По-русски карты в руки ей.
Смекнул — дежурит на платформе,
Проконсультируюсь скорей.
«Скажите, муттер или медхен,
Иль как у вас тут — комерад?
Я не могу зи дойче шпрехен,
Но мне бы в город Фюрстенвальд».
«О, Фюрстенвальд! О, это ехать!
О, это цванцик фюнф минут!
Я тоже русски плохо шпрехен.
О Фюрстенвальд! О баден гут!»

И вот колеса отстучали,
Достигнут город Фюрстенвальд.
Идет все так, как намечали.
Нашелся русский комендант.

Ему в коротенькой беседе
Все изложил в один присест.
Отец не встретил, мол, победу
И захоронен где-то здесь.
А чтобы не было сомненья
(Совсем некстати здесь оно),
Достал для факта извещение
И пожелтевшее письмо.
Майор прочел те документы,
Затем в сторонку отложил,
Снял микрофон и, чтоб моментом,
Зайти кому-то предложил.
Солдат немецкий появился,
Искрится формой как петух,
Майор к нему и обратился
Просил доставить Роте-Бух.
Вот рукотворное создание
С широкой траурной каймой.
Оно без автора, издания —
Оно написано войной.
Смогли здесь просто разместиться
Страдания, муки и мольба,
И на одну всего страницу
Легла солдатская судьба.
И вот средь множества фамилий
И среди множества имен
Нашли, что да, Захаров Дмитрий,
Здесь, в Фюрстенвальде погребен.
Майор сказал: «Теперь крепитесь
И наберитесь нужных сил,
Духовно к встрече соберитесь».
И на могилу пригласил.

И вот она. В глазах туманит,
А вид сознание холодит —
Березка к небу ветви тянет
Да белизной искрит гранит.
От списка враз дохнуло жаром.
О, сколько их вместилось тут!
И в их числе отец-Захаров

Нашел негаданный приют.
Сын опустился на колени
И на гранит кладет цветы,
А мысли сами подоспели:
Поднять бы краешек плиты,
Спросить отца: «Ну что ж ты, милый,
Иль за граница по душе?
Нашлось бы место для могилы
Тебе в родном Куртамыше.
И пусть земля — предмет единый.
И здесь, возможно, хороша,
Но я привез тебе родимой
От дома из Куртамыша.
Привез поклон от нашей мамы
Иль от Прасковьюшки твоей.
Еще поклон нижайший самый
От остальных твоих детей».
И навернулись сами слезы,
Не грех бы сыну зарыдать...
Нет, эта сцена просит прозы,
Ее в стихах не передать...

Опять в Берлин он возвратился,
В тот туристический отель.
С дороги душем освежился
И лег в прекрасную постель.
Конечно, день тот небывалый,
Сил много отдано ему,
Усталость знать себя давала,
И отошла душа ко сну.
Вдруг распахнулись настежь двери,
Зажегся в спальне яркий свет,
И Николай глазам не верит —
Вошел отец; и вроде нет.
Вот костыли он в угол ставит,
Без них пытается шагать.
Потом вспорхнул, взмахнув руками,
И опустил на кровать.
Пригладил волосы у сына,
Рукой касаясь их чуть-чуть,

И та слеза, что раньше стыла,
Сверкнув, скатилась на грудь.
Сказал: «Прости, родная крошка,
Тебя не сразу я признал,
Ведь ты состарился немножко,
Меня годами обогнал.
И я теперь другого нрава
(Как все погибшие в войне),
И наделен бесспорным правом
К живым являться лишь во сне.
Как тяжело, сынок, в разлуке
С семьей, с родною стороной.
Как больно мне за ваши муки,
За детство, взятое войной.
Вот мне бы отпуска на сутки,
Покинуть бы покой и тишь.
Я б не просрочил ни минутки,
А только съездил в Куртамыш.
Сходить бы в баньку подле речки,
Взахлеб насытиться парком,
Да съесть калач из русской печки
С парным, конечно, молоком.
Собрать бы вас в одно застолье,
Потом, моментик улучив,
Шепнуть жене — своей Прасковье:
«Смотри, какой тут коллектив!»
Считай, что жизнь прошла не даром,
И в этом суть и весь секрет.
Ведь сын Захаров, внук Захаров
Продлят наш род на сотни лет.
Ах, как минуты пролетают!
Я загостился до утра.
Тебя на завтрак приглашают,
А мне, сынок, к друзьям пора.
Не верь, сынок, что мы бессильны.
Нет, мы лежим здесь неспроста:
Мы тут для матушки-России
Ну, что-то вроде форпоста.
Сюда туристы приезжают
С чужой и нашей стороны

И нас друг другу представляют
Как результат былой войны.
И мы их к разуму взываем,
Собою просим в мире жить.
Что люди смертны — убеждаем
И просим жизнью дорожить.
Вот вышло время нам проститься,
Прошу, сынок, не поленись:
Когда проедете границу —
Земле родимой поклонись.
Проси за нас, чтоб не роптала
И не имела к этой зла,
Да, та земля нас воспитала,
А эта в недра приняла.
И вам желаю я здоровья,
Успехов в жизни и труде.
Еще поклон моей Прасковье
И пусть доверится судьбе.
Ее вы, Коля, берегите,
Себя чтоб после не бранить.
Чуток вниманья уделите —
Ей остается мало жить.
И снохам надо поклониться,
Сказать спасибо за внучат.
Вот посмотреть бы, подивиться,
На дорогих мне пострельчат*.
Но вот уж голоса не слышно.
Отец вдали, чуть различим.
Взял костыли, упер под мышки,
И дверь захлопнулась за ним.
А Николай в тот миг проснулся.
Увидел неба синеву.
В дела земные окунулся.
Жизнь продолжалась наяву.

О, Родина-мать! Дорогая Россия!
Сколько детей твоих пули скосили?
В годину какую — считать не берусь.
Это лишь знает Великая Русь.
А в наших квартирах хранятся альбомы.

В них собраны фото родных и знакомых.
 И смотрят на нас с каждой первой страницы —
 Кого нам не встретить и с кем не проститься.
 И в наших деревнях, по горницам нашим
 Смотрят опять фотографии павших,
 С места святого, от самой божницы,
 Смотрят на нас дорогие нам лица.
 Да только улыбки застыли навечно,
 И память о них будет жить бесконечно.

А. Федоров. г. Шумиха.

1989 г.

ИЗ ФРОНТОВЫХ ТЕТРАДЕЙ ВОЙНА

Горит страна в огне пожара,
Весь мир в огне войны кипит.
Разруха, голод, смерть, кошмары
Война несет с собой в пути.
Все города, деревни, села,
Что создал человек трудом,
Все гибнет в этот год тяжелый,
Война сжигает все огнем.
Коварный враг, хитер и злобен,
На нашу Родину напал.
Чуме коричневой подобен
Он рвется в глубь страны. Шакал!
Он о господстве в мире воеет.
Душитель! Реки крови льет.
Но за бандитские разбои
Он от расплаты не уйдет.
Уже карающий наш меч
Повис над гадом для удара.
Слетит фашистский череп с плеч
И труп стогорит в огне пожара!

СОН И ЯВЬ

В блиндаже, в степи безбрежной,
В дальней южной стороне
Слышу я твой голос нежный
В боевом тревожном сне.
Вижу я, что мы с тобою
В мире солнечном живем,
Нашу жизнь мы вместе строим,
Песни мирные поем.
Но, проснувшись утром рано,
Вижу я картину вновь:
На земле воронки-раны,
И вокруг алеет кровь.
Только я уверен, скоро
Развернется вся страна,
И фашистов диких свора
Будет в прах разгромлена.

1941 г.

И тогда, после разгрома,
Не в землянке, не во рву,
А на самом деле дома
Сон свершится наяву!

Украина, 1943 г.

ПИСЬМО РАЗВЕДЧИКА

Ты снова пишешь мне из дома,
Что, где мы бьемся, эта даль
Тебе нисколько не знакома,
Что на душе твоей печаль.
Ты хочешь знать про ужас боя
И был ли я в таком бою...
Тебе я все скажу, не скрою,
Военных тайн не утаю.
Когда у нас Москва-столица
Салюты залпами дает,
Здесь, за немецкою границей,
Ожесточенный бой идет.
Когда на фабрику работать
Ты, встав, торопишься с утра,
Здесь наши танки и пехота
Идут под громкое «ура!»
В часы, когда наступит вечер
И ночь придет в твои края,
Ты, спать ложась, потушишь свечи.
В разведку отправляюсь я.
Когда ты крепким сном объята,
И сын-малютка рядом спит,
Моя тяжелая граната
В окно блокауза летит.
И только лишь чуть-чуть светает,
Померкнут отблески зарниц,
Вперед меня «язык» шагает,
Какой-нибудь берложный фриц.
Вот так проходят дни за днями,
Гремит война четвертый год.
И сутки каждые с боями
На запад мы идем, вперед!

Германия, 1945 г.

ПИСЬМО ИЗ ГЕРМАНИИ

Здравствуй, мать!
Прими письмо от сына.
Шлю тебе его издалека.
В край чужой забросила судьбина
Твоего военного сынка.
Умножая воинскую славу
Нашей Красной Армии в боях,
Лишь на днях мы бились за Варшаву,
А теперь в других уже краях.
Мы сейчас в Германии фашистской,
На земле заклятого врага.
От любимой Родины не близко,
Но теперь немного нам шагать.
Вместе с солнцем двигаясь с Востока,
В мир свободу, свет несем сполна.
Их Берлин не очень уж далеко,
Верно, скоро кончится война.
И хотя бывает нам порою
Нелегко, конечно, воевать,
Но деремся насмерть с немчурюю,
Чтоб потом другим не умирать.
Вот и все короткое посланье.
Мой большой поклон тебе земной!
Дорогая мама, до свиданья!
Ожидай с победой нас домой!

Германия, 1945 г.

9 МАЯ 1945 ГОДА

Так, наконец, закончилась она —
Великая народная война.
Отгремели пушки на полях сражений,
Отсвистели пули, прекратился бой.
Этот мая день девятый, день весенний
Славную победу нам принес с тобой!

Берлин, 1945 г.
А. Забродин.

ЧЕРЕМУХА

Дом немецким снарядам
Разворочен, разбит,
А черемуха рядом
Невредима стоит.
Все село опустело,
Всюду пепел и прах,
Лишь черемуха в белых
И тяжелых цветах.
И сверкает у дома
Под холодной росой
Нашей русской скромной,
Но бессмертной красой...
Мы устали на марше,
Но над мертвым селом
Нам черемуха машет
Белым легким крылом.
Чем-то милым и близким
Сердце тронуло вдруг,
И улыбки на лицах
Появились вокруг.
Сразу в памяти ожил
Тот покинутый дом,
Где черемуха тоже
Расцвела под окном.
Лепестки осыпает,
Словно снег, на крыльцо,
А в окошке мелькает
Дорогое лицо...
И от этого стало
И легко, и тепло,
Словно ветром усталость
С наших плеч унесло.
Рота снова на марше
Далеко за селом...
Вслед черемуха машет
Легким белым крылом.

В. Алатырцев.

1970 г.

КРАСНЫЙ ОРДЕН

Как-то еду из Кургана,
Пью в купе горячий чай,
И солдата-ветерана
Я встречаю невзначай.
Он вошел на остановке,
Грудь в медалях, как в броне,
Вижу я по обстановке:
Повезло сегодня мне.
Как обычно: «Здрате!»
— «Здрате!»
Как газетчик-репортер:
— Где служили? Номер части? —
Завожу с ним разговор.
— Так что ваш вопрос

напрасный:

Повар. Только... фронтовой.
— А за что же орден Красный,
Первый орден боевой?
Пообиделся папаша,
Посмотрев поверх, вбочок.
— А на фронте ши да каша —
Это вам не пустячок!
И повел рассказ без спору,
Вспомнив подвиги отцов,
Рядовой солдат и повар
Петр Петрович Горобцов.
— Полк наш, мото-мех-пехота,
Брал когда-то Перекоп.
Вот и повару охота
Совершить такое, чтоб..!
Вот я — повар, пехотинец,
А из танка, например,
Слал врагу стальной «гостинец»,
Бил и «тигров», и «пантер».
Кухня чтоб не опоздала
Накормить бойцов — приказ!
Мой шофер, солдат бывалый,
Выжимает полный газ!
Помню: грохот артдуэли,

Гнется Курская «дуга».
Моя кухня на прицеле,
В самом пекле у врага.
Эх! Еще кусочек суши
Проскочить бы! Чур меня!
Тут ударили «катюши»
И подсыпали огня.
Ранен насмерть в грудь
осколком

Мой товарищ фронтовой.
Не пойму никак я толком,
Как остался я живой!
От машины только «рожки».
На восток, на запад, юг
Все колеса по дорожке
Раскатились вокруг.
Эх, не дожил до победы!
Враг стубил такую мощь!
Фронт оставил без обеда,
Пропадает лучший борщ!
Вижу, рядом танк помятый,
Обожженная броня.
Не исправлю — не солдат я,
Засмеют друзья меня.
Я подлез и сразу к башне.
Открываю верхний люк...
Поврежден не так уж страшно,
Только ждет солдатских рук.
Я мурлычу «ланцы-дрицы»,
Ремонтирую катки.
Вдруг, как с неба, двое, фрицы,
Дуют к танку напрямки.
Мне везет на них, проклятых...
Сам пою все: «гоп-ца-ца»...
Подпустил, из автомата
Дал им порцию свинца.
Да припомнил им «мамашу»,
Так, по-русски, для словца.
Танк цепляет кухню с кашей
У танкиста Горобца.

Лязг железа. Взрывы. Бомбы.
Враг бежит от контратак.
Развернулись танки ромбом
В бронированный кулак.
Чтоб помочь своей пехоте,
Продвиженью наших сил,
Бью «пантеру» с разворота,
«Тигр» подбитый задымил.
Как солдат, военных правил
Не нарушил. Сохраняя,
Борщ и кашу в полк доставил
Прямо с бою, из огня.
Ну, а танк — товарищ классный,
Неразлучный, фронтовой.
Вот за что мне орден Красный
Дан — за этот самый бой.

В. Кудюров.

1970 г.

ПИСЬМО ИЗ БЕРЛИНА

Оттремели орудий раскаты.
Все весны перебил аромат.
Вот, пристроив листок на лопату,
Пишет строчку за строчкой солдат:
«Здравствуй, милая жenuшка Галя,
Дочка Оля, сынишка Иван.
Вы теперь о Победе узнали,
Мы пришли в этот вражеский стан.
Мы с боями дошли до Берлина,
Вот он, рядом, разбитый рейхстаг.
А над куполом в небушке синем
Гордо реет советский наш флаг.
Здесь Победа, конечно, виднее.
Ей звучать на весь мир навсегда.
Ну, а нам? По домам бы скорее —
Руки просят другого труда.
Душегубов частично поймали,
Им ответ за злодеявства держать.
Ну, а часть их на Запад удрали,
Чтобы миру опять угрожать.

О погоде. Здесь явно теплее,
Вот уж сливы цветут вдоль дорог.
Эх, Галина, домой бы скорее,
В зауральский родной городок.
А народ здесь такой, как в России,
Так же плачет, смеется, поет.
От фашизма и он натерпелся насилья,
Испытал униженья и гнет.
Был на встречах союзных нам армий,
Видел черных и желтых солдат.
Эти Джоны и Томми, и Чарли
Мирно жить на планете хотят.
Я сравнил тут людей и природу,
Одного лишь никак не пойму:
И откуда родилась здесь злоба
Даже ненависть к миру всему?
Чувства всякие разом предстали —
Радость, гордость, немножко вины.
Мы ведь столько людей растеряли
На тяжелых дорогах войны.
Мысли разом и невпопад.
Для солдата Победа отрадна —
Тут себе и Отечеству рад.
Вот пришла для солдата утеха —
Все прошел и остался здоров.
А писал в канцелярии рейха
Рядовой из Шумихи Петров.

А. Федоров. г. Шумиха.

1985 г.

Родная Армия моя

Поют февральские метели,
Штыки и души леденят.
И лишь обычные шинели
Обогревают тех солдат,
Что изготовились под Нарвой,
Теперь сигнала к бою ждут.
Они себя покроют славой
И Псков врагу не отдадут.
Взяла здесь Армия начало,
Да и величие свое,

В боях Россию прошагала,
Пришла к окраинам ее.
Освободив свои народы,
Не ставя пушек на прикол,
Мужала Армия в те годы,
Что показал и Халхин-Гол.
Вновь навалилась вражья стая.
Да, это было наяву,
Все на пути своем сменяя,
Враг устремился на Москву.
Вот разыгрались где метели,
Нацистским планам вопреки.
Здесь напоролись их шинели
На наши славные штыки.
Метель плескалась глубже, шире,
Сменяя множество преград...
И зазвучало во всем мире
Простое слово «Сталинград».
Бушует грозная стихия,
И в мире нет спокойных мест,
Но попадают в штиль София,
Варшава, Прага, Бухарест.
Собой пример являя яркий
(Теперь все это позади),
Дошел солдат до Трептов-парка,
Прижать чтоб девочку к груди.
Ее, как символ возрожденья,
Ее, как будущую мать,
Как войнам всем предупрежденье.
Так это нужно понимать.
Есть у войны свои законы,
Короткий, но кровавый век,
Ведь погибают миллионы,
И не рублей, а человек.
А в мире снова неспокойно,
Есть у врагов мечта своя.
Так будь истории достойна,
Родная Армия моя.

А. Федоров. г. Шумиха.
1985 г.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Мы этой памяти верны!	С. Кайгородов 3
2. Живой голос очевидцев	М. Лисюк 4
3. Слово о земляках	М. Лисюк 5
4. В синем небе майор Грицевец	В. Гусев..... 11
5. Он славно бился	Л. Левин..... 16
6. Крылья мужества	И. Серeda..... 28
7. Здесь зарождалось мужество	А. Королева..... 32
8. Ночь войны	А. Орлов..... 34
9. Ради совести и чести	К. Евстигнеев..... 35
10. Родины достойный сын	П. Абрамовских..... 39
11. Так началась война	М. Воробьев..... 42
12. Не забыть тех дней	К. Коротков 46
13. Прозрачная задумчивая сень...	В. Гилев 50
14. Стойкость и мужество	К. Коротков 51
15. В чем наша сила	М. Лисюк 53
16. Навечно в памяти народной	П. Абрамовских 57
17. Песня в бою	А. Тимофеев 58
18. По морям и полям	Б. Камышев 59
19. Без вести пропавший	А. Королева 61
20. Защитник Севастополя	М. Алексеев 62
21. День крещения	А. Орлов 64
22. Кто виноват?	С. Осетров 65
23. Нам было девятнадцать	С. Осетров 70
24. Победа	В. Гилев 72
25. Встреча после Победы	Я. Чичилов 73
26. Родимого края причал...	В. Гилев 74
27. Смерть немецким оккупантам!	Т. Муратов 75
28. Суровая память	М. Алексеев 78
29. Отроки в иссеченных шеломах...	В. Гилев 79
30. О друзьях-товарищах	А. Орлов 79
31. Защитник Родины	П. Максимов 80
32. Из тайников памяти	М. Бухаров 82
33. Землякам-ветеранам	В. Морозов 92
34. Отчаянная голова	П. Кочегин 93
35. Взять «языка»	М. Алексеев 96
36. Учитель, солдат	Г. Рыжков 98
37. Красиво море с берега	Г. Устюжанин 101
38. Ночной рейс	М. Лисюк 104
39. Гвардеец	Ф. Чернов 107

40. Я — «Вулкан»	А. Кардаполов	110
41. Ветераны	А. Федоров	113
42. Боевое крещение	М. Калугин	114
43. Памятная ночь	М. Калугин	118
44. По танкам — огонь!	М. Алексеев	122
45. У вечного огня	С. Утробин	124
46. Девчонки на войне	М. Лисюк	125
47. Белых халат на вырост	Е. Усалко	127
48. Фронтовые подруги	Н. Бабинов	130
49. Берлин — Прага	Н. Орлова	133
50. Боевой поход	Г. Леготин	134
51. К памяти обращаясь	И. Евдокимов	136
52. Живы в памяти те дни	Ф. Лобанов	149
53. Испытание огнем	В. Зенкин	153
54. Глубокие корни	А. Букреев	156
55. От Халхин-Гола до Эльбы	М. Бухаров	160
56. Принял пулю на вздохе	М. Лисюк	162
57. Берлинская операция	М. Воробьев	168
58. Курс корабля — Красная площадь	А. Моторин	172
59. Сопrotивление	В. Корольков	174
60. Победу ковали в тылу	А. Ускова	177
61. Был госпиталь в Шумихе	Е. Федина-Н. Бабинов	179
62. Тогда рано взрослели	Н. Горшков	183
63. Нет, музы не молчали	Н. Бабинов	186
64. Мальчишки из войны	В. Ермолаев	189
65. Вспоминается...	А. Леготина	191
66. Я помю...	В. Качарина	193
67. Вдовы солдатские	С. Арефьев	195
68. Бессмертие	Л. Боровых	197
69. Моя бабушка	М. Сутормина	204
70. Моя семья в Великой Отечественной войне	М. Смирнова	207
71. Шагнувший в бессмертие	К. Павлова	210
72. Мы помним вас, дорогие!	Е. Глуздакова	213
73. Судьба солдата	А. Федоров	216
74. Из фронтовых тетрадей	А. Забродин	229
75. Черемуха	В. Алатырцев	232
76. Красный орден	В. Кудюров	233
77. Письмо из Берлина	А. Федоров	235
78. Родная Армия моя	А. Федоров	236

9-50

СУРОВАЯ ПАМЯТЬ

**55-летию Победы в Великой
Отечественной войне посвящается**

Составитель и редактор Михаил Филиппович Лисюк

Дизайн, макет и корректура - М. Ф. Лисюк

Лицензия ЛР 071414 от 24.03.97 г.

Сдано в набор 5.04.2000. Подписано в печать 28.04.2000.

Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Times ET.

Печать офсетная. Усл. п. л. 13,95. Тираж 500 экз.

Заказ 1006. Цена договорная.

**Набрано и отпечатано в Шумихинской межрайонной
типографии комитета по печати и средствам
массовой информации Администрации Курганской области
641100, г. Шумиха, ул. Гагарина, 52.**